

К. Гелех

F65.0

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

К. Гелех

F65.0

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гелех К.

F65.0 / К. Гелех — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Влечение к женским ступням. Футфетиш. Встречали такое слово? Герой «F65.0» знает о нем все. Сын состоятельных погибших родителей, скрупулезно описывает свое «отклонение», пытаясь устроиться в жизни – найти любимую женщину, найти работу и примириться с надвигающейся смертью тети. Как и все, наш герой хочет быть счастливым, но его сексуальные наклонности, происходящие вокруг события в современной стране и феминизирующийся мир сводят с ума, заставляя надрезать актуальные лицемерные темы циничным скальпелем. В книге полно жестких сцен и размышлений. Читайте, если у вас хватит смелости. Содержит нецензурную брань.

© Гелех К., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1. Анамнез	6
Часть 2. Протекание	29
Конец ознакомительного фрагмента.	47

F65.0

Вместо предисловия:

...А впрочем вижу, что лучше не извиняться. Сделаю, как умею, и читатели сами поймут, что я сделал лишь как умел.

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

...«Вы литератор и его друг, напечатайте, т. к. это интересно»... (Дальше женские рассуждения на тему "о пользе чтения", пересыпанные пятнами от слез.)

М. А. Булгаков «Необыкновенные приключения доктора»

Расскажу о странном человеке. Расскажу о человеке, похожем на плывущее по ветру облако в пустом ночном небе.

Юмэмакура Б. «Оммёдо»

И, наконец, еще одно (с половиной):

...Не представляют собой ничего, ничего, ничего; несомненно, они не достигнут ничего, ничего, ничего...Мы с легкостью издевались надо всем, ничего не было для нас святого, мы все оплевывали... мы представляли собой чистый нигилизм, и нашим символом являлось Ничто, Пустота, Дыра

М. А. Можейко

Колебание – естественный порядок мира

Манифест кого-то там

Просьба держать в уме: все ниженаписанное не является точкой зрения автора.

Часть 1. Анамнез

*...Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зеркальном паркете зал,
У моря на граните скал.
А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»*

...тую.

...Вы спросите: когда у меня это началось?

Что ж, я могу дать ответ. Мне было года четыре. Да, четыре. Был один из тех дней, когда родители оставляют своего крохотного ребеночка на молниеносное время одного, предоставленного самому себе. Чем занимаются дети? В лучшем случае не взрывают дом и не отрезают себе по неосторожности члены. Однако в тот день ничего буйного я не делал. Я чем-то занимался, чем конкретно – уже и не упомнить, ибо сознание наше тех по-настоящему детских времен подобно сознанию вдупель пьяного человека и воспроизвести по памяти всю фабулу событий из раннего детства невозможно, к сожалению или к счастью. Тем более, что в моем случае спросить не у кого.

Значит, был обычный день. Я остался на время в одиночестве. Или же я только-только проснулся после обеда. Включил телевизор. И на одном из каналов я, четырехлетний мальчик, увидел ее. Здесь, наверно, вы нарисовали себе жуткие и чудовищно извращенные виды. Но нет, я увидел весьма банальное зрелище, которое не произведет на большинство людей скольконибудь серьезного эффекта. На большинство так называемых *нормальных* людей.

Итак, в телевизоре лежала женщина. По-видимому, это был какой-то фильм, его отрывок и я попал на конкретный эпизод. Женщина лежала около кровати с расписным покрывалом (да-да, я помню даже покрывало, уважаемые!). Она лежала на полу. А кровать стояла в комнате. То была комната весьма приятно и богато, но чуть сверх меры заставленная, комната красивая с обоями цвета слабого-слабого кофе с молоком. Женщина же лежала на полу. Возможно, до этого ее кто-то ударил, или же она очухалась после бурной ночи, или же в иступлении после очередного раздора со своим хахалем бросилась на пол, да так и осталась там лежать, – кто знает. За все прошедшие десятилетия, в век информации, за все свои просмотренные фильмы, ролики, статьи, сюжеты, обзоры, киноальманахи разного качества и содержания, за всю свою жизнь я не сделал попытки найти то кино с той прекрасной незнакомкой.

...Она лежала на полу рядом с кроватью. Сколько именно она лежала я не помню, в какой позе тоже, просто лежала и все. Потом она привстала. Ее кудрявые, химически-пышные волосы, длинные волосы, русо-темные спадали на ее тело. Такие знаете волосы и прическа родом из девяностых. Женщина была одета, все целомудренно. Как я упомянул выше, сцена

была насквозь, до упора банальна. Женщине было лет... Не могу точно сказать. В том детском возрасте все люди старше десяти воспринимались как взрослые, а уж моей первой фантазии было явно за двадцать. Ее лицо чем-то напоминало лицо Шерил Ли (она же нетленная и вечно мертво-живая, как шредингеровский кот, Лора Палмер), но только не представляйте сейчас Шерил Ли! Это я так, привел наиболее подходящее сравнение, чтобы картинка получилась достоверной и детальной. Нет, у той моей женщины черты были чуть другие... Их я уже в деталях не припомню.

Значит, женщина привстала. Верхнюю половину туловища, кроме головы, о которой сообщил чуть выше, то есть грудь, плечи, шею, – мое сознание (но как я сейчас знаю, вовсе не оно, о нет, точно не оно) в памяти не оставило. Что же касается нижней половины, то, уважаемые, здесь я все помню четко. Ох, как же четко я все помню, уважаемые вы мои!

Так как фильм был родом из девяностых, как и ваш *покорный слуга*, то кадр имел слегка желтовато-оранжевый цвет (ну раз уж мы помянули несчастную Лору, то давайте приведу в пример сам ее сериал, как пример самого хрестоматийного кадра девяностых годов, с оранжево-сочной пленкой). Моя женщина была одета... Я сказал моя? Извиняюсь. Та женщина была одета в лосины или какое-то подобие рейтуз. Но, скорее всего, лосины, да. Черные лосины облегающие ее стройные ляжки, с приятными мягкими бедрами, переходящими в колени, голени и кончающиеся обольстительнейшими, прекраснейшими... Но по порядку.

Женщина присела на край кровати. Помню, как она взяла с покрытого узорами покрывала какие-то палароидные фотографии (что там на них запечатлено – не суть важно). Она смотрела на фотографии молча, со спокойным лицом, а на другом конце экрана сидел мальчик, неотрывно обгадывающий взглядом, невинным и чистым, взглядом, не знавшим греха и вкуса запретного плода...

Мальчик глазел на ее ноги.

Точнее я глазел, да. В свете оранжеватой пленки ее ножки имели слегка оранжевый оттенок, я помню венку, проступившую на правой ножке, которую женщина закинула на левую. Ее аккуратные пальчики правой ступни свободно висели в воздухе, левые лежали на полу. Аккуратные пальчики были покрыты восхитительным красным, ярко-красным лаком. Они походили на сладчайшие леденечики, на конфетки, которые только и ждали, чтобы их посасывали, полизывали, целовали, гладили, массировали, прикасались, ласкали, и наслаждались ими... Она небрежно поигрывала пальчиками, качала вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз...

Я помню, как в тот день в голове словно что-то стрельнуло, будто пуля прошибла мой лоб, будто алмазная пуля пробила мое сознание насквозь, оставляя после себя незамутненный след и зияющую дыру. Испытанное и, самое главное, осознанное вожделение окутало мой разум плотной дымкой, мягкой и сладострастной.

Сегодня почему-то Валентин Валерьянович возился дольше положенного. А я к тому же приехал пораньше, поэтому вот сижу, жду битый час. Каждая минута ожидания похожа на тонкую струю из водяного пистолета. Струя бьет прямо в мой желудок. Струя состоит из страха, от которого крутит внутренности.

Потому что, когда врач-онколог задерживается с пациентом – это почти никогда не показатель чего-то позитивного. Ей снова хуже. И сейчас Валентин Валерьянович пытается найти очередной способ продлить существование своего пациента. Или же пытается максимально обтекаемыми словами, всевозможными эвфемизмами сказать моей тете одну мысль: «Мы сделали все возможное, но ничего не помогло. Приведите свои дела в порядок, поговорите со своим странным племянником, он, похоже, тяжело это воспримет. Вы скоро умрете, Ангелина». Или как-то так. За точность слов я отвечать не могу, но вот врачебную интонацию, его голос я смог воспроизвести в своей голове достоверно, уверяю вас.

Вэ-Вэ, как я его про себя называю, наконец, вышел из палаты. По его лицу я понял, что мои догадки были верны с точностью до девяноста девяти процентов. Я задал один вопрос: «Сколько осталось?».

Он посмотрел на меня из-под своих очков-хамелеонов. Надо сказать, что по-доброму так, по-отечески посмотрел. За два месяца, что мы с тетей обитаем здесь,— если ваш ближайший родственник или ближайший человек попадает в подобное место, то вы будете обитать там вместе с ним, никуда не денетесь,— так вот, за два месяца, что мы тут успели промучиться, мы очень близко познакомились с Вэ-Вэ и он знает про меня все. Ну почти все, если вы понимаете.

— Месяц, — ответил врач, — В лучшем случае полтора. Максимум два. Это если она останется здесь. Больше...ничем не могу помочь.

Он потрепал меня по плечу и утопал в следующую палату. А я уставился в белую дверь от частной палаты лучшей и самой дорогой клиники на тысячи километров вокруг. Мне предстояло открыть дверь и зайти. Снова сделать вид, что мне не больно, что я полон сил, что не издыхаю отчаянием, снова увидеть чахнувшую тетю, платок на ее голове, бледную, сухую кожу, увидеть коктейль из посмертного отчуждения с щепоткой смирения в глазах. Самое страшное — это выражение лиц таких людей. Я не буду лукавить: мое сердце кричало от страха, ком в горле сдавил дыхание. Но зайти я обязан.

Значит, тетя. Родители мои в тот день, когда я увидел прекрасную незнакомку, так и не вернулись. Автокатастрофа. Все обыкновенно: пьяный отец, который привык, что закон ему не писан, ибо он принадлежал к той касте в нашей стране, которая сама же законы и пишет,— так вот, водитель папани в тот день сам запил и на работу не вышел, посему the batya решил отвезти мою маман самолично с вечеринки у давнего друга семьи (по совместительству — мэра города, ныне — отсидевшего, все как полагается). Гололедица, встреча, грузовик, кювет, два трупа, сиротка сын.

Но не спешите сопереживать мне! И умоляю, Азатота ради, не жалейте меня. Ох, вы и близко не представляете насколько меня не нужно жалеть! Сиротка сын унаследовал три квартиры, огромный особняк, солидный счет, прочее материальное по мелочи, широченный круг знакомых. Да и в детский дом не загремел: недавно овдовевшая, кровная тетя по линии тапан, Ангелина Афанасьевна, взяла меня под свое аппетитное крылышко.

И коль скоро мы говорим о тетушке, то она у меня не промах. Вообще, должен признать, что родня у меня крутая. Во всех смыслах. Жаль, что вся мертвая. Ну кроме тетки. И сестры какой-то, седьмая вода на киселе. Как-нибудь ниже расскажу об этой своей двоюродной сестре и ее родителях. Мы пару раз с Ангелинкой помню захаживали в эту т.н. «нормальную» семью.

Короче тетя моя каким-то чудом,— ну вы понимаете, чудом да, это чудо я потом не раз познал на себе,— основала сеть салонов красоты, потом тренажерные залы, фитнес-клубы, вроде бы касалась могильного бизнеса, потом принялась за продуктовые магазины, влезала в политику (все тем же чудом, ну вы поняли), а потом она достигла такого уровня благосостояния, что деньги просто были, появлялись сами собой, и являлись само собой разумеющимся фактом, вся сливочная публика города ее знала, у нее везде имелись связи, от ее внешности у мужиков, да и не только, текли слюнки, набухал пах, крепили сосочки,— в общем, тетя была полноценной единицей.

И вот поди ж ты, однажды замужняя, рано потерявшая своего благоверного, тетка более никогда не отдавала свое сердце никому. Несмотря на стаи мужчин, мужиков, мужичков, мужчинок, которые вились вокруг нее, увивались хвостом, заливали медовые речи и порой,— вот уж диво!— доказывали что-то делом, несмотря на сонм этих подпевал, альфонсов, транжир, алкашей, плевколизмов (я в буквальном смысле сейчас, вот прямо плевколизмов), богачей, нищелюбов, — несмотря на них всех, Ангелина Афанасьевна К. пребывала одна, в истинно благород-

нейшем одиночестве. Своих спиногрызиков она не настругала. Почему? Откуда ж я-то знаю. Душа женщины – потемки. Душа богатой, по-умному самодостаточной, красивой женщины – потемки вдвойне. Она была настоящим человеком в высоком замке и плебейскому люду оставалось бродить вокруг него, мерить землю, да и только.

А я в этот замок попал. По праву рождения, по праву родства выиграл счастливый билет. Ну то есть счастливый-несчастливый билет, ведь мои рара и тапан почили. Я остался один. С кучей ништяков на руках и туманным будущим. Влетел в лоно величественного дома, не совсем Ашеро́в, но где-то по каким-то критериям близко, да. Тетушка без лишних слов, буквально через неделю после похорон устроила все так, что я переехал к ней, в элитную часть загородной части города. Имущество заморозилось до моего совершеннолетия, тетка выступала опекуном, я начал жить с ней.

– Опять апельсины? Чего ты их все таскаешь, объясни мне, дурачок? Что за традиция идиотская – тащить цитрусовое в больницы!

– Такая традиция, я-то что могу поделаться?

– В «Крестном отце» они символизировали смерть.

– Ай. Не произноси это слово!

– Какое? Отец?

– Нет.

– Смерть?

– Его! Не надо. Как-то в этих стенах оно звучит ни разу не смешно. И страшно.

– Ой, сладкий, тебе страшно от слова. Ну если я могу помочь тебе с этой проблемой – только скажи. Но подождать придется, когда морфий подействует, уж извини.

– Все, все. Ты победила, как всегда. Отстань.

– Лучше бы другое взял...

– По правде говоря, мне кажется, что тебе бы это запретили, но твои желания для меня – почти закон, ты же знаешь, Ангелин.

Я положил разные эти дурацкие конфеты, икры, остальные деликатесные и не очень продукты, апельсины, ага, да, в огромный палатный холодильник, набитый и так до отказа, достал «сладенькое»: мощнейших размеров фаллоимитатор, вибратор с отростком для клитора, секс-машину-чемодан (в ее ситуации это оптимальный способ при минимуме движений с ее стороны), анальные шарики, смазки и разогревающие крема, несколько хреновин, о предназначении которых я и не догадывался (брал по списку, данному тетей), журналы, латексные маски (ой, не спрашивайте), планшет с активированными подписками на лучшие порносайты. Браузер мне настроили так, что одним «тыком» тетюшка оказывалась на нужном сайте или в элитном, дорогом веб-чате для женщин, где аполлоноподобные ребятки и афродитные девчонки только и ждали, когда получат возможность ублажить виртуальную клиентку. Короче, full pervert jacket.

– Ага, так-то лучше! Вечером будет чем заняться. И гости не соскучатся.

– Какие такие гости? – был я в недоумении. Но, конечно, все понял. Это был такой переспрашивательный вопрос из разряда дебильных. Когда ты все понял, а переспрашиваешь зачем-то.

– Сегодня к полуночи я вызвала двух молодых людей для хорошего времяпровождения. Пришлось накинуть каждому по тыщонке за часик, когда они узнали мою ситуацию детальнее.

– Ангелин, давай ты только это... Без фанатизма, ага? Я тебя еще живой хочу видеть.

– Ой, хватит занудствовать! Лучше бы массажик мне организовал, дикарь неотесанный! Растила тебя, растила и все впустую, как посмотрю.

Это она шутит. Ваш *покорный слуга* человек очень воспитанный и «отесанный», он уже пару минут к ряду сидел и гипнотизировал пальчики с черным маникюром, вылезающие из-под одеялка. И он сам хотел вот-вот приступить к массажу без всяких нагоняев!

Короче, жизнь моя, как вы, пожалуй, могли догадаться, с самого детства пошла не совсем ровно, однако же интересно. Родители пару годиков поукрывали тонким флером далекие уголки моего сознания, поисточали специфическое амбре, да испарились где-то в глубинах меня.

Я с легкостью обеспеченного, почти здорового ребенка влетел в круговорот яркой и, надо сказать, сильной тетиной жизни. В каждом уголке огромного тетиного жилища-замка ощущалась, что называется, полная чаша. Она взяла меня в достаточно ежовые рукавицы, в том плане, что грозно следила за моей дисциплиной, за моим воспитанием, за моей учебой, за моим состоянием голода, – ей богу, не уступала настоящим матерям с вопросами ел ли я.

Рос я рос, но тот давнишний всплеск томления отнюдь не забылся за общей круговертью жизни и вереницей событий.

Мастурбировать я начал что-то около пяти лет. Ох, я помню те времена: садик, тихий час. Все спят. Или делают вид, что спят. Тишина. А я же под одеялом занимался прекрасным делом.

Подходил я, кстати, к этому делу со всей ответственностью пятилетнего мальчика. Перед сном шел в туалет, там мыл ручки. Потом залезал в кроватку, ждал минут десять, пока все улягутся, успокоятся, когда воспитатели уйдут или ослабят внимание. Далее я поворачивался лицом в подушечку, животом вниз. Левую руку я клал рядом с левым краем лобика, правую аккуратненько ныкал вниз, устраивал поудобнее аккурат слегка придавливая свой причиндалик. Фокус весь был в том, чтобы успеть придавить «краник» в мягком состоянии. Потому что сам процесс был таким: я лежал лицом в подушечку, левой рукой укрыл часть лица, – не знаю зачем, – глазки закрывал и начинал нажимать с определенной частотой и периодичностью на холмик в своих трусиках. Попутно же, разумеется, воображая себе образы, которые через энное количество минут заставляли меня ощутить удовольствие между ног, сопреть, запыхаться, но пережить тот искрометный миг сладости и наслаждения.

Что же именно я воображал? Тут все незатейливо: это была женщина-кошка из фильма «Бэтмен возвращается» восемьдесят девятого года. О да, исключительно оттуда! Только Мишель Пфайфер с кассет вэ-ха-эс! Засуньте этих ваших Хэлли Берри и Энн Хэтэуэй куда поглубже! Убогие подражательницы, жалкие подделки. Мишель в образе извечной соперницы Бетмена – это апогей женщины, ее наивысшая точка цветения, это кульминация вселенского женского инь в первозданной своей чистоте! Это нектар амброзии в цветущем лотосе женского естества! *Sapienti sat.*

Пятилетним я истово и ярчайше воображал ее изгибы, ее улыбку, алые губы, бездонные, умопомрачительные глазищи, полные угрозы и губительных обещаний, ее облизывания, мяуканья; я представлял, как она избивает меня, а потом гладит и зализывает мне ранки, как она стегает меня хлыстом, устраивает мне ловушки, как я ее ловлю, но она постоянно ускользает. Порой это были сцены из фильма, чаще всего сцена на крыше, где она ползает по старине Брюсу и лижет ему нос... Боже, вот же Китон везучий сукин сын! Сложно сказать, видел ли я в этих мечтах себя Бетменом. Скорее нет, чем да. Забавно также и то, что самих ножек Мишель я не воображал. Их в фильме не было, а моему телу было достаточно кошечки без ее лапок. А представьте на секунду, вы только представьте, если бы в фильме была сцена, где госпожа Пфайфер в полном своем блестящем, кожаном-латексном одеянии садится на кровать, «умывается» по-кошачьи, а потом снимает свои острые сапоги и открывает миру свои пальчики,

свои лапки, оставаясь при этом в костюме. Она снимает лишь обувь, черные обтягивающие леггинсы остаются на ее ногах, но они прерываются белизной ее плоти, кожей ее ног, их ароматом, их видом... Ох!

Помимо несравненно-богоподобной Мишель-кошки, я представлял воспитательницу. Но это предсказуемо, скажете вы. Я соглашусь. Представлял я чаще всего одну воспитательницу, причем не самую красивую, – я научился нутром ценить, вдыхать и вкушать женскую красоту, видимо, с пеленок, но именно красоту женщин, а не девчонок, хотя это отдельный разговор, – воспитательницу не самую красивую, но я обладаю даром находить прелесть практически в каждой женщине на планете! Воображал я конкретную работницу нашего элитного детсада – Маргариту Прокофьевну. Почему ее? Объясняю: занятие утренней гимнастики, все как обычно производят всякие упражнения. И вперед однажды вышла она. Высокая, весьма статная и складная женщина с гаденьким командным голосом предназначенным для обругивания детишек. Ее чресла не имели жира, она была стройной, с темно-каштановыми волосами, завитыми внизу. Маргарита была одета в черную кофточку и черные лосины. И тут – бах! Она сняла обувь и осталась босой. То есть притягательная женщина, обладающая властью надо мной, с гибким, мнущимся телом, в лосинах и голыми ножками, которые она протягивала влево, вправо, гнула их, мяла, играла пальчиками. Мое детское сердце было покорено. Самое смешное, что мы во время утренней разминки пели песню, содержание я точно не помню, но там природа шагала, – то есть т.н. «олицетворение», – теперь внимание «босыми ногами по траве». Сальвадор Дали вроде считал Вторую Мировую Войну событием, специально созданным для его биографии и для его выгоды. Что же, мой детский сад, казалось, был создан специально для меня и моей жизни, чтобы я мог в полнейшей мере наслаждаться своими порывами в свое удовольствие. Да, грехом с моей стороны будет не упомянуть: ножки воспитательницы были египетскими, бледными, с небольшими шишечками у больших пальцев, но терпимых размеров, с французским педикюром. Ох, если бы она попросила меня ублажить их, помыть или потрогать, понюхать или попробовать на вкус. А лучше бы заставила... Эх, ненужная, напускная женская скромность и непорочность, – губишь ты мужчин! И мальчиков.

Третья фантазия. Вы, думается мне, догадались. Да, моя тетушка. Опять же, заметьте, что и у нее стопки – египетские. Все – улада для моей души! Ее невероятно ухоженные, аккуратные ножки богатой, уважающей себя богемной женщины, с высоким подъемом, гладкими пяточками, дорогим педикюром, пальчиками с пухлыми подушечками, венки, проступающие временами сухожилия, – эти лапки до сих пор остаются одним из нескольких эталонов для меня. Справедливости и объективности ради, замечу, что мизинчики у тети мелковаты, их почти бывает не видно, их ноготочки чуть меньше, чем нужно. Однако же это мелочи! Я на то и мужчина, чтобы закрывать глаза на крохотные недочетки милых моему сердцу дам. Основная фишка ножек моей тети – большие пальцы. Если большие пальчики моей тети не являются произведениями искусства или не могут ими считаться, то я ничего не понимаю в этой жизни! Истиннейшая красота и шедевральность мира для меня есмь четыре вещи: полотна Ван Гога, сюиты Иоганна Баха, а именно French Suite No. 1 in D minor, BWV 812: Menuett II, «Братья Карамазовы» Федора Михайловича и большие пальчики ног моей тети. И должен вам сказать, что однажды я собрал все эти смертельные дары, так-то! В одном из пентхаусов ближневосточной страны, в окружении ясного, закатного неба, когда восток вот-вот погрузит вас в свою волшебную ночь, я сидел под сенью полотна великого голландца, – да, репродукции, но все же! – под по-математически гениальные сюиты немца, читал перипетии Димана и Грушеньки (господи, что за имя!), посасывал пальчик левой тетиной ступни, и заедал его виноградом с вином. Да, в отличие от Соррентино, я знаю, что такое великая красота!

Но я отвлекся. Так... женщина-кошка, воспитательница, тетя... Ох! Чуть не забыл! И четвертой фантазией была та первая незнакомка из безымянного фильма! В те далекие, детские

и от того сказочные времена, моя незнакомочка ярким пятном пестрела в памяти и я мог пока что с легкостью извлекать ее для своих нужд. Чем я и занимался.

Детский оргазм... Сыщется ли еще что-нибудь такое же чистое, и одновременно такое же грязное?! Не знаю как у девочек, да и знать не хочу, но у мальчишек детские финиширования не знаменуются нашими привычными мужскими извержениями и с яростными брызгами. Окончания мальчиков сухие, опрятные, а сам «причиндалик» при моем образе удовлетворения, оставался мягеньким и спокойным.

Побывав на вершине экзистенциального Эвереста, я поворачивался обратно на спину, сладко зевал и засыпал. Потом пробудка, полдник, игры, тетушка или охранник забирали меня домой. Попробуйте сказать, что это не идиллия!

Когда вышел из больницы на свежий воздух, то понял, что проголодался и что начинало вечереть. Погода стояла райская, тепло, хорошо. Тепло как бы не жарко, а вот именно когда тело не ощущает дискомфорта от окружающего воздуха, когда ты выходишь в рубашке и шортах на улицу, а мир принимает твоё тело в себя. Сейчас лето и я в полной мере наслаждаюсь этим великолепным временем года! Когда девушки, начинающие формироваться в спелых и вкусных женщин, когда сами женщины шеголяют по городу с оголенными частями тела, — ну не это ли счастье, не это ли явление прекрасного? Босоножки, туфельки, платья, юбки, шорты, топики, рубашки и проч. проч. — услада для глаз и духа. Тем более после больничных видов.

Да, наверное, кто-то задался вопросом: что еще за египетские стопы? О, это первооснова науки футфетиша, цемент всесвязующий. Есть несколько типов ступней. Наиболее распространенные: египетские, римские греческие. Гурманы слышали про германские, кельтские, скифские. Но это, конечно, м-да... Также различия в высоте подъема, в длине пальцев, ногтей, в цвете маникюра. Различны и предпочтения по запахам... В общем, по порядку.

Египетский тип ноги. Мой фаворит. Пальцы идут в порядке убывания от большого к мизинцу, наискосок под легким углом. Да, пальцы на ногах, вроде как, нумеруются. То есть большой и мизинец именуются по аналогии с руками. Но вот указательный, средний, безымянный нумеруются (первый, второй, третий соответственно). И все же позвольте я буду величать пальчики обычными словами, унижать женские стопы цифрами — гадко. Возвращаясь к теме: в египетской стопе самый маленький — мизинчик, потом безымянный, он повыше; средний еще выше, указательный чуть меньше большого и, наконец, самый крупный и длинный — большой палец. Венец короны, так сказать. Такая ножка и выглядит гармонично, и удобна, и приятна, и красива. Все ровненько, все выверенно. Конечно, в расчет идут пункты и помимо размера пальцев, но первооснова — тип ноги. Если я вижу египетскую, то пол дела для меня сделано.

Римская. Вот тут сложно и на любителя. В чем отличие от египетской: большой, указательный и средние пальцы ноги примерно равны, далее безымянный с мизинцем резко меньше. Иначе говоря, пальцы идут почти по прямой линии. Звучит так себе, но такие ножки способны приобрести лично для меня некую красоту при должном уходе. Я знал одну мадам, о которой, возможно поведаю ниже, с римскими ножками. Она держала их в безупречном состоянии, следила за маникюром, за их чистотой, любила различную обувь, особенно туфли на высоченных каблуках, обожала колготки с вырезом на пальчиках, была раскрепощенной и во всех отношениях шикарной. Но в один черный день мою мадам насмерть переехала машина. Опять машина, да. Не везет мне как-то в жизни с механизмами, в которых есть двигатели внутреннего сгорания.

Греческая. Своеобразный треугольник получится, если обвести контур ноги. Самый длинный — указательный палец, потом идет большой, далее средний, безымянный и мизинец.

Бывает так, что большой и средний одного размера и это фигово. Простите обладательницы таких стоп, но это мое субъективное мнение. Многим, я знаю, нравятся именно греческие и я целиком понимаю и принимаю их выбор. Но это не для меня.

Что же до германской, кельтской и скифской... Первая это четыре пальца одного роста и один длинный большой; вторая – все одного роста и длинный указательный; третья – все одного роста и длинный средний. Судьба была ко мне благосклонна, посему подобного я не встречал. Если задел чувства обладательниц таких ног – excusez-moi!

Я пришел к себе домой, в ту квартиру, которую не сдавал и в которой обитал сам. После ужина, душа, я лег в постель, задумался.

Как мы проживали с тетей? Что ж, она продолжала много работать, но со всей ответственностью исполняла свои опекунские обязанности. Мы сошлись, непонятно почему, характерами с самого детства, с самого первого дня. Ее прямолинейность, сила, напор, решительность, смелость, ее жизнелюбие, доброта, любовь к черному юмору, хрипловатый, прокуренный голос, шикарные груди (не свои, да, но какая разница?!), ножки, в которые я влюбился с первого взгляда, ее светлые, длинные милированные волосы, широкие, карие глаза – я сразу почуял в ней родную душу и сразу у нас как-то заладилось. Я попал в руки охраны, сиделок, многочисленного прочего персонала, но они не отложились в моей памяти, они побыли в моей жизни до определенного периода, а потом испарились.

Ругались ли мы с моим опекуном? Такое бывало, куда ж без этого. Не буду вспоминать обыкновенные рядовые конфликты, какие-то небольшие перепалки, на почве всякой скучной бытовухи. Трижды в моей жизни тетя теряла самообладание и являла мне свой жесткий, лихой нрав, когда я поневоле вспоминал, что она-таки на секундочку владелица крупной почти бизнес-империи.

Первый случай. На радостях, что поступил в университет и получил права (ладно, вру, не получил я их, а купил, трижды завалил экзамен, ой ну и что?!), первым делом я нафигарился в каком-то клубе всем возможным, провел там отличнейшую ночь, а утром в разбитом, всячески опьяненном состоянии сел за руль (американец, пригнанный по заказу тетки, которая не верила что я сдам экзамен, посему на радостях от сдачи всучила мне ключи от авто с изображением мустанга). Лишь камерам-фиксаторам известно каким чудом я доехал до дома, ни во что не врезался, никого не сбил и не поранил. Но когда заезжал на придомовую нашу территорию, то таки вырубился и протаранил ворота, испортил газон, декоративные всякие грядки, сколол кусок фонтана, влетел в гараж, расколошматил пяток Ангелининых автомобилей и, накуралесившись, вывалился из своего мустанга. Влетело мне, как я понимаю сейчас с некоторой высоты лет, не за покоцанные железяки, а по совсем другим причинам. Я впервые видел, во-первых, такую злобу от Ангелинки, а во-вторых, слезы ярости и страха в глазах женщины, когда Ангелина вопила как собака, бегая за мной по всему дому, по всем залам и комнатам, по двору, по этим самым газонам и грядкам с самым жестким своим хлыстом, который, по чести если, и не хлыст вовсе, а самая настоящая палка, блин! По градации жесткости хлыстов тетушка любимая выбрала самый хардовый. Примерно как в «Аллегии Силы», ага. Вот и получилось, что отведали этого хлыста несколько депутатов, один медиамагнат, да я! Только если первые по своему бдсмному желанию, то ваш *покорный слуга* совсем не по желанию! Белый рубец в четыре сантиметра от одного самого ярого удара до сих пор покрывает мой правый бок, помимо остальных легких шрамов. Догнать она меня, полупьяного и обдолбанного, не могла, – я долгое время занимался всяким боевым и небоевым спортом, на халяву посещал фитнес-центры теткины, поэтому весьма подвижен, – тогда она подключила вечно недолюбливавших меня охранников, которые меня отловили, сами наподдали, да к тому же держали за руки, за ноги, пока Ангелина безжалостно лупила. Всем говорю, что упал со сноуборда. А как

иначе? Смешно, что отфигачила она меня так, что пришлось накладывать кое-где швы. В тот день врач долго выслушивал путанно-идиотские объяснения молодого почти пацана с перегастром и его шикарной опекуниши.

Второй раз. Гребаный АлиЭкспресс, мать его. Не помню как попал на тот сайт, но от обычных категорий товаров я шустро по ссылочкам оказался в странной части ютюба. Шучу. В странной части этого АлиЭкспресса. Электроника, ссылка, щелчок, кухонные приборы, ссылка, щелчок, товары для взрослых, ссылка, щелчок, фаллоимитаторы, щелчок, ссылка, щелчок, куклы, щелчок, ссылка и вот я выбираю искусственные ножки, производство Китай. Наименования, конечно, те еще: *«Лучшие Качества Ницца Фетиши Ноги, Поддельные Ноги для Обучения, Фут Фетиши Игрушки, Поклонение Ноги Игрушки Плесень, реалистичные Секс Куклы, Продукт Секса»*. Неймбрендинг как он есть. Или как вам такое: *«Фетиши ноги поддельные ноги Мастурбаторы, женищина силиконовые Средства ухода за кожей стоп S для взрослых, Реалистичные кожи поддельные Средства ухода за кожей стоп карман киска продукты для человека»*. Поразило меня то, что ножки были сделаны очень, очень хорошо, до ужаса правдоподобно. Везде египетские формы, идеальные пальчики, даже морщинки есть, даже линии отпечатков! Не отличить от настоящих! А самое главное: там не что иное, как самое вкусное, – ступни по лодыжку. Но! Это было бы слегка банально. В эти самые лодыжки неведомые азиатские сумрачные гении вделали вагины (потом узнал, что это называется Vagankle). Загуглите. Иначе говоря, можно в буквальном смысле отыметь эту красоту. В другую пару ножек такого же гения мастера вделали влагалища прямо в ступни... Ладно, вы уже поняли, что через неделю я стоял на почте и принимал заказ. Две пары шикарных искусственных ножек с вагинами в лодышках и в ступнях встали мне в пятьдесят тысяч ре. Ерунда.

А вот не ерунда началась, когда я досыта насыщался этими приобретениями и не с таким фанатическим энтузиазмом, как обычно, реагировал на ножки Ангелины, ее подруг, других женщин из плоти и крови. А наслаждался я своими приобретениями воистину досыта, выжимал себя досуха прямо в отверстия ножек, пару раз конкретно натер себе причинное место, когда в особо возбужденный день накинудся на своих куколок без смазочной подготовки и резины. Пришлось потом сходить к врачу, недельку повоздерживаться. Она-то, мне кажется, и спалила меня, эта неделька.

Я им ведь имена дал! Вагины-в-лодышках называл Сакурой-чан. А вагины-в-ступнях величал Хината-тян. Почему японские имена? Иногда я воображал себе как бы выглядели продолжения этих ножек. Виделись они мне японками. Да хрен знает почему! Потому что на рекламных постерах АлиЭкспресса этого идиотского они висели рядом с какими-то японскими плакатами в лепестках сакуры. Я потом набрал кучу японской атрибутики, заказал настоящее кимоно одному знакомому, часто пребывающему в тех краях. Ангелина подивилась моему столь резкому увлечению восточной культурой и, видя мой интерес, подарила катану. Реальную. Настоящую. Раритетную. Можно резать бумагу на лету, я серьезно. До сих пор держу, вещь – офигенная... И сделаны ножки мои ко всему прочему в Китае. Как, впрочем, почти все в наше время.

Нарулил преотменную хай-фай стереосистему, виниловый проигрыватель и раритетные пластинки с церемониальными японскими ариями-песнопениями, надевал кимоно и накидывался на силиконовые (или из чего они там) ножки своих невидимых восточных подруг. Забыл сказать, что ноготки куколок не были покрашены в оригинале, поэтому я еще с удовольствием накладывал на них лак в соответствии со своим настроением. Хината в основном была черненькой, фиолетовой, французенкой (это когда основа ногтя и корешок естественного цвета, но нарощенный ноготок молочно-белого), Сакура же пребывала красненькой, малиновой, темно-бордовой (не розовой, ибо розовый ненавижу до мозга костей, но сакура же все-таки).

Короче, организовал себе тройничок: я, Сакура, Хината. Своеобразная шведская семья. Почти шведская. И почти семья. К сожалению, через какое-то количество близостей с левой

ногой Хинаты, нога эта не выдержала и порвалась по всей длине ступни. Верите нет – я в тот день горько проплакал и пролежал в депрессии, мне мерещились ее полные боли крики, причем сука с воплями на японском, которые мой мозг почерпнул из анимэ и азиатского порно. Дошло до того, что мне во сне хотелось везти левую силиконовую ногу к врачам, которых я на коленях вымаливал спасти мою будущую жену. Врачи сказали, что сделать ничего нельзя. И потом я всю ночь хоронил левую ножку. Она лежала в гробу, на подушке где обычно лежат головы усопших, буддийский монах зачитывал православное прощание, махал кадилом, а вокруг стояли японцы и рыдали. Их лица покрывали квадратики, которыми покрываются в их порно гениталии. Гроб опустился под звуки внезапной волынки... Эта гребаная волынка потом все утро звучала в моей башке. Но я взял себя в руки. В конце концов, оставалась еще хинатина правая и обе сакурины. Разумеется, я стал проявлять осторожность в отношении своих пассий... Новые же я заказывать почему-то не захотел. Не знаю, это казалось мне изменой, что ли.

Видимо, какое-то там женское чутье подсказало моей тете, что с ее племяншей что-то не так. Инда по нашим с ней меркам (да, люблю выразиться повычурнее, ага). Уж не знаю, как она или одна из уборщиц нашла мои игрушки, ибо ныкал я их по всем правилам фетишиста, т.к. мое мужское чутье подсказывало, что лучше такое прятать. Но нашла. И ох что было! За плетью в этот раз тетка не хваталась, – на том спасибо, – катану я, опять же ведомый таинственным провидением в тот день, заблаговременно спрятал, но скандал закатила мощнейший. Из цензурного, в ход пошли такие тезисы как «неблагодарный гад», «распутная сволочь», «сраный кобель» (вот почему кобель-то, а?!), «подонок, проходимец, я все для тебя, а в ответ такое?! Чего тебе не достает, паскуда мелкая, мои больше не нравятся, да?! Что на кукол потянуло, гаденыш?! Мои слишком морщинистые?! Или старые?! Ну извините, ваше гадское величество, других нет! Не нравятся – вали к чертовой матери, урод, скотина вонючая!». Кстати, это был первый и последний раз, когда она выгоняла меня. Пусть и на словах. Я неделю положил на то, чтобы загладить вину. Загладить, да. Или зализать. Ну вы поняли. Я рассказал откуда их получил, что это вообще за хрень и как оно работает. Ангелинка, после того, как я навывлизывал ее лапки до миллиметра, поуспокоилась и таки пару раз наблюдала за применением так сказать приспособлений в действии. Но по мировой договоренности от искусственных игрушек я избавился в итоге. С болью, со скорбью, Сакура и одноногая Хината оказались на мусорке. Бомжей в наших краях не водилось, но дорого бы отдал, чтобы увидеть их реакцию при обнаружении подобного стаффа.

Однако же потом я познал, что такое женское лицемерие в чистейшем виде! Месяцев через несколько не помню как, я оказался в подвале, где случайно нарвался на куклу-мужика старшеподросткового возраста с причиндалом титанических размеров. И странный ящик. Если с куклой я понял (фигли тут непонятного), то вот ящичек разгадывал полчаса. Оказалось, что из него вылезает и залезает сменный фаллоимитатор, плюс имелась возможность подключить к питанию мультискоростной (так и написано на этикетке) вибратор. Ящик чем-то похож на футляр от сценического рок-оборудования. Вот так: ревнуют к невинным ножкам, а сами развлекаются с тридцатисантиметровыми членами. Кстати, кукла та мужская стоит, как я потом узнал, почти два миллиона ре. Я не скупердьяй, да и сумма не ахти какая, но это, блин, перебор. Женщина, которая тратит по два ляма на куклу по определению может найти себе живого мужика. Живого и супер умелого! За два ляма можно найти самого изысканного мать его любовника на всей нашей жалкой планетке.

И третий раз, когда тетя мне устроила адуху и мы ко всему прочему лишились Лорда, нашего лабрадора. Этот третий, пожалуй, самый странный, несправедливый и обидный, черт побери! Пару лет назад я ездил в Германию. По делам, ну и погулять, развеяться. Бродил я там по улочкам города со звонким звучанием, пока не заблудился. И вот наткнулся на скромные серые двери где-то на окраине. На одной красовалась вывеска с многообещающим словом

«feuerwehrzufahrt». Я черт его знает почему оно привлекло меня. Собственно говоря, это значит вроде бы «пожарная доступность», если верить переводчику. Но получается лабуда какая-то.

Пара слов о немцах: они крутые. Жаль, что Вторую Мировую замутили. Но эта нация имеет свойство, которое, на мой скромный взгляд, позволяет им быть не первый век в первых рядах на экономической и культурной передовой планеты: немцы ко всему подходят профессионально, по-деловому и организованно. Постройка ли автобанов, ведение ли бизнеса, производство лекарств, организация ли военных котлов, постройка ли танков или же утоление телесных влечений человека – все поставлено на высочайшем уровне, все делается хорошо, дисциплинированно. Иногда, конечно, именно, что, к сожалению, хорошо делается. За пару дней до этого я убедился, что найти узкоспециализированную домину на землях ordnung'a это дело одного часа. Про стандартных фей и говорить не будем.

Короче, я постучался. Дверь мне открыла дама-немочка, мы перебросились парой фраз, она окинула меня цепким взглядом, все моментально просекла, пригласила внутрь. Я как зашел, уже, в общем-то, понял, что занесло меня сюда не случайно. В гостевом коридоре стоял целый стенд с манекенами в разнообразнейших бдсм-костюмах.

Немочка была не чистой немочкой, а с турецко-восточными примесями, невысокая, красивая, безумно ухоженная, темноволосая, с татуировками на тренированных руках, с тонкими бровями, широкой улыбкой и в кожаном одеянии. Она являлась женщиной в самом соку, в цвете лет, ее зрелая красота и привлекательность моментом запали мне в сердце. Как я понял, она кого-то ждала, но клиент сказал, что задерживается на час-полтора. Чистое провидение! Я, не мудрствуя лукаво, предложил ей провести этот час-полтора с пользой. За несколько сотен евро моя программа составила: сеанс футфетиша, хэнддjobb (нет, я напишу по-английски, на нашем это выглядит фигово, – handjob) в кожаных и медицинских перчатках, футдjobb (включая секс с голенями и бедрами, когда ты производишь фрикции между сжатых женских ног), и обычные игры домины и саба (плохой раб, шлепки, служение, foot worship, все в таком духе). От плетки я отказался (см. выше, дурные воспоминания). Когда немочка увидела мою спину, то бережно провела своей холодной рукой по моим ссадинам, шраму и не без уважения произнесла: «You're lucky. You have somebody who loves you to death!». Да, общалась она со мной на английском, когда поняла, что язык Гете и Шиллера для меня недоступен, к моему горю и стыду.

Мы завершили уплоченное время, но ее клиент все не появлялся. Я напросился на небольшую экскурсию по салону. Как оказалось, то была ее квартира, которую она приспособила для дела. Меня до глубины души поразила ее подготовленность, организация приспособлений, дизайн. Что там говорить, у нее имелись рассортированные ящички! В одном лежали клизмы, в другом – всевозможные наручники, в третьем – straponы, и так далее. На каждой ящичке – подпись, где, что лежит. Мы бродили, беседовали. То как она из недавней надзирательницы-госпожи трансформировалась за минуту в обычную, нормальную, приятную и легкую в общении женщину – завораживало. Она провела меня на кухню, сварила кофей и попросила подождать, сама ушла принимать душ. Когда вернулась, я спросил чем она будет заниматься с опаздывающим клиентом. Она ответила «footfisting». Я даже переспросил. Да-да, футфистинг, подтвердила она. Через некоторое время раздался звонок, приехал ее клиент.

Осознав, что сейчас или никогда, я упробил ее посмотреть на это зрелище. Разумеется, не за так, а за мзду. Она сказала, что это нужно обсудить с клиентом.

Послышался очередной звонок в дверь, она пошла встречать гостя и вошел-таки этот опоздун-клиент, немец. Вот чистый немец, я думал таких не осталось. Рост под два метра, светлые, густые волосы, выбритые по бокам и зачесанные на бок, голубоглазый, с четким, правильным матово-гладким лицом, скуластый, с мощным подбородком, в дорожном одеколоне. Во взгляде сталь, металл в голосе. Вы не поверите, но при его появлении я уловил томное при-

дыхание самой домины. А томное придыхание домины это та валюта, которой владеют человек сто по всему свету.

Они начали беседу, немочка что-то объясняла ему, указала на меня, он мельком бросил в мою сторону взгляд и я понял почему они когда-то вздумали, что имеют право захватить мир. Под его взором во мне самом что-то затряслось. Нет, не в том смысле! А обыкновенно нечто благоговейное. Есть у меня черта – благоговение перед величием... Он улыбнулся мне и беспечно кивнул.

Далее же... Далее я сел на стул и наблюдал как домина, едва дотягивающая клиенту до сосков, разложила его мускулистое, идеальное тело на специальной кровати, пристегнула руки, подняла его длинные бритые ноги вверх, пристегнула их, оставляя зад оголенным и доступным. Потом она долго гладила его, что-то шептала, трогала тело, мазала анус особой смазкой, надела перчатку, размяла задний проход рукой. Когда мужчина был готов, – определить несложно, ибо стоявший колом двадцатисантиметровый богатырь это не то, что легко игнорируется, – домина что-то спросила у него. Клиент указал головой на правую ногу, которую я недавно осыпал поцелуями. Немочка размяла ее, взяла презерватив, надела на стопку, смазала это все гелем и... ввела ножку в зад немца. Медленно, постепенно, с неспешностью и бережливостью, она начала водить ножкой вперед-назад. Мужчина стонал, тяжело вздыхал, закрыл глаза и истинно наслаждался происходящим, я видел его, я видел счастье в его искаженном от страсти лице.

...Все действие, вместе с прелюдией, продолжалось минут двадцать. Мужчина кончил не прикасаясь к члену. Он кончил сначала сзади, потом спереди, бурно и мощно, с рыком и всхлипами, с дрожью...

По возвращении домой я, как и всегда, со всей искренностью без утаек и недомолвок, поведал обо всем тете. В особенности про футфистинг. Ну и вот что вы думаете?! Я, видимо, блистательный рассказчик, потому что рассказ мой так зажег ее взор, привнес в нее столько энтузиазма, что я испугался. Нет, вы не поняли и я не шучу, и это не смешно! Я правда испугался! С моей тетки ведь станется опохмелить меня, или ночью спящего связать, сподобить охранников изловить меня, да проделать все то, что проделали с потомком арийцев. Последовала длинная, сильнейшая череда споров, уговоров, угроз, препираний, сахарнейших обещаний, ругательств, пары безумных скандалов, слезных молений, проклятий и попытки банального подкупа (она мне пообещала *такую* сумму за ножку в моей жопе, что на секунду, на долю секунды, на мгновение, но клянусь, я было едва не задумался). Но ваш *покорный слуга* продержался и остался неумолим. Ибо у меня три табу: кровь, недоговорное насилие и strapon. Точнее уже четыре: добавился футфистинг, да. В итоге войска тети потерпели поражение у стен моего ануса и после долгой осады отступили. Замечу еще, кстати, что все дни Ангелининого напора я относился к нашему противостоянию до предела серьезно. Я не зря жил с ней с самого детства и знал про ее решительность и креативность в преодолении проблем. Я не ел и не спал дома, не пил из бокалов или сервизов, шарахался от прислуги, охранников обходил стороной. По мере возгорания «боевых» действий решительно съехал на хрен от любимого опекуна. Я менял места жительства, ездил на разных, только что купленных автомобилях или же тупо не на своих, я не передвигался одними и теми же маршрутами, не посещал привычные мне заведения, оплачивал все наличными, и в целом всячески сводил контакты с домашними, в первую очередь, с тетей к минимуму. На расспросы знакомых, чего я ушел из дома, отвечал стандартненько, типа поругались, она меня не понимает, все такое. Ну а как еще?! На неделю вообще пришлось мне свалить из страны, после того, как на купленную утром симку (!), оформленную на чужой паспорт (о да, я сам порой не промах), вечером позвонил один знакомый начальник из соответствующих органов (о нем ниже), по совместительству – начальник охраны тети, и спросил как у меня дела, как я себя чувствую, все ли со мной в порядке. Я ответил, что дела у меня отличненько, чувствую на отличненько, все у меня отличненько. Вежливо попрощался, выкинул на днях купленный смартфон и сжег симку.

Почему-то запомнил, что смартфон покупал с тяжелым сердцем у какого-то хмурого чувака с хмурым же, землянистым лицом...

Вот вы, наверно, думаете, мол, экий я чудак. Ага, сидя в лондонском отеле, сам так думал. Но не насмехайтесь надо мной раньше времени! Под конец театральных этих представлений, я решил, что все, хватит! Надоело придумывать нелепые истории для оправдания своих сорокадневных скитаний по центральному федеральному округу и части Европы. Мне казалось, я донес до тети свою твердую позицию, воля моя непреклонна, мы взрослые, серьезные люди, хватит дурака валять! Выкинул билеты в Исландию, взял обратно в нашу матушку. Возвращение блудного племяшки, ага. Таки зашел, – не то утомленный, не то отдохнувший, – проведать родню и перекусить, наконец, домашнего. Рестораны, пусть и лучшие в городе или в Европе, стряпня моих друзей-подруг, кушанья домашних поваров не идут ни в какое сравнение с готовкой тетки. Она воистину мастер этого дела, когда-то отпахала пару лет поварихой в столовой. Навыки оставались до сих пор. И чертовка знала чем меня привлечь: фирменный борщ. Помните, я упомянул Лорда, нашего лабрадорчика? Все то же провидение заставило меня скормить незаметно ему пару ложек борща, перед тем как я сам принялся за него. Минуты две прошло, как бедный, невинный пес грохнулся в глухой сон с мощным храпом. А через три минуты начал дергаться, пошелся пеной и рвотой. Мы оперативно, с мигалками (я знаю! Но они тогда еще не были так сильно запрещены и на мигалках я сам в полуистерике настоял) отвезли его к ветеринару, но сделать ничего не успели: несчастный ветеринар в край обалдел, когда экспертиза показала, что моя Ангелина подсыпала совершенно конское количество снотворного, которое смешала с анальгетиком. Волновалась, видимо, милая тетя за физический дискомфорт племянника, анальгетик добавила, во как... Анальгетик... Анальгетик... Да, ага. По результатам боев за мою анальную девственность пали тысячи моих нервных клеток, кастрюля борща и любимый пес.

Пара слов о собаках: они крутые. Но не заводите их. Привязываешься быстро и сильно, помирают они рано, причем неожиданно, а то и сбегут, вам же потом горевать.

... Через пару дней после похорон Лорда, я, уставший, обросший, всячески опустошенный, нервно истощенный, потративший все личные наличные сбережения, решил навестить тетку, прийти, так сказать, к близкому человеку попить чайку и выкурить трубку мира. Пришел-то я за чаем и трубкой, а получил тетю с ногой в заднице у известного телеведущего.

Так я научился всегда стучаться, перед тем, как зайти куда-то. Этикет, как-никак, придумали не на пустом месте.

Вот, собственно, три самых крупных конфликта в моей жизни с Ангелиной Афанасьевой К. Пьяное вождение, секс-куклы (точнее не совсем куклы, да и секс как бы... Ладно, опустим) и футфистинг. Когда вот так перечисляю оно каплю упоротого. Но как по мне, то список скандалов у других моих друзей и знакомых, которые росли в т.н. нормальных семьях несказанно выше.

Стремно лежать одному дома, в постепенной летней темноте в гудящем молчании. С улицы через открытое окно влетали звуки вечернего центра города. В колонках моих, – я фанат музыки, в свою хату поставил себе прекрасную аудиосистему, не такую, конечно, как у тети когда-то, но все равно отличную, – короче, в колонках отливало изумительным, умиротворяющим саундом старина Брайан Ино, «Музыка для аэропортов 2-2». На меня же накатывают флешбеки, от которых на сердце становится пакостно. Тем более, что от своих проблесков из прошлой жизни я не испытывал негативных эмоций, а скорее, наоборот, мне моя житуха видится исключительно положительной. Да, она не нормальна. А что есть нормальность? Семьи с папами-мамами, которые изо дня в день собачатся, но зато семья типа полноценная?

Или семьи, где мамы-папы развелись-разводятся-разведутся? Сколько вокруг людей прямиком из таких семейных супов, где все варятся и варятся, пока не потеряют вкус, цвет и наполнение.

Ой, спорно. Да, очевидно, что подобного толка отношения с моим опекуном сказались на мне определенным образом. Но, постойте, скажу я: во-первых, спросите любого и вам подтвердят, что я обходителен, мил, доброжелателен, местами эрудирован, всегда со вкусом и стильно одет, возможно, скрытноват сверхмеры. Ну иногда проваливаюсь в мечтания, если чую притяжение к собеседницам. В исключительно редких случаях у меня льется в такие моменты струйка слюны, что я научился скрывать, к счастью, но в целом – никакой не психопат, а приятный и симпатичный молодой человек, не очень общительный, но в легких пределах. По крайней мере, пока не накатывает падучая, о ней – ниже. Во-вторых, футфетиш и подобные наклонности наличествовали в моей крови с детства, начались они до смерти родителей и до жизни с Ангелиной.

Собственно, если по правде, то отчасти, в некоторой степени, вроде бы как, можно сказать, что в чем-то... Короче! Кто кого из нас двоих совратил первым – вопрос неоднозначный. Я не подходил на место Долорес, а она не походила на Г-Г. Скорее, знаете, тетя напоминала Королеву из Диснеевской «Белоснежки» тридцать седьмого, но которая избавилась от этих гадких гномов и самой идиотской принцесски. А я был эликсиром красоты, от которого она расцветала, когда полностью мной насыщалась. Или зеркалом с радостью сообщавшим: «Ты на свете всех милее! Дай мне ножки полизать...»

Я уже сказал, что тетины лапки привлекли меня с первого взгляда. До моего переезда к ней, Ангелина жила одна несколько лет. Постоянного сожителя не имелось, а женщина она весьма крепкого сексуального темперамента. По факту, у меня вся родня такого темперамента (я узнал позже, что топ рара и та тапан, конечно, любили друг друга, но как бы не только друг друга), почившие тетки, братья, сестры, дядьки и прочие, включая дедов-бабушек тоже обладали тягой ко всем этим делам. Вроде бы, – информация неточная, – но вроде бы, мой прадед одним из первых в стране занимался распространением порнографических материалов в дореволюционном Петербурге. Забавно, что звали его Иоганом. Sic!

Итак, подобная сублимация не сказаться на тете не могла. Плюс добавим, что в Советском Союзе секса не было (но была любовь, однако же эту часть фразы никто не помнит), вершиной откровенности была «Эммануэль», и подобные фильмы, где кусок попы казался жутким развратом; Ангелина пахала целыми днями, мужа не имела, мужика надолго не заводила, и думается мне, что в целом имела слабое представление о бездонной ширине вариантов и возможностей удовлетворения подобных наклонностей. В результате получилось, что получилось. Я же, подрастающий продукт новой страны, грядущей эпохи и хлынувшей сюда массовой культуры потребления, продукт нисходящего развитого постмодерна взамен недоразвитого соцреализма, продукт попытки сексуальной революции, – я стал, в некотором смысле, тем морально расхристанным катализатором, который распалил ее угли. Моя природная предрасположенность к обожествлению и удовольствию от женского тела при тотальнейшем (почти) отсутствии табу, и зажимаемая сексуальная мощь роскошной одинокой женщины сошлись. Как вода и камень, стихи и проза, трали-вали.

С первых дней я научился чувствовать ее настроения, раскусил ее напускную толстокожесть, попытки закосить под Ледяную королеву, научился преодолевать барьер между нами, состоящий из многочисленных гостей и домашнего персонала. Я держался *в рамках закона*, ха, но нет. В рамках тех ею установленных строгих правил, был покладистым и покорным когда того требовала ситуация. Но я обожал к ней прижиматься, любил тереться незаметно об ноги, прикидываясь, что дурачусь, обожал, когда она поднимала к себе на ручки и притискивала к своей великолепной, бесподобной груди с синими прожилками вен, обожал обнюхивать ее и получать от ее пухлых губ мокрые поцелуи в лоб и щеки. Посему я научился симулировать разное, типа страха темноты, приступов ночной паники, дабы давить на ее жалость, нечасто, но

метко и когда сам того хотел, чтобы лишь она разрешила мне оказаться рядом с ней или вовсе в одной постели, крепко обнимать ее, чувствовать ее гладкую плоть в своих детских ручонках. Не знаю догадывалась ли она о моих ранних позывах или настоящих мотивах. Я любил также просыпаться раньше нее, вместо мультиков Дисней по первому или слова пастыря (ну да) лежал и смотрел на нее спящую, всегда сильную, но такую беззащитную по утрам, без своего яркого макияжа или с остатками одного после вечера, такую расслабленную, такую податливую. Есть несравненное удовольствие лицезреть властного человека беззащитным, скажу я вам.

Один раз, насмотревшись фильмов по шикарному безцензурному тв из девяностых, я набрался смелости и поцеловал ее в гладкую щеку. Она дернула ею, как от комара, и проснулась. Но я успел сам сделать вид, что сплю. Через некоторое время, я повторил свой фокус, но уже прямо в ее губки. Они были гладкими, теплыми, вкусными, очень приятными. Сердечко мое застучало чаще, я всем телом задрожал и проделал это второй раз. Почему-то после поцелуев тетя заиграла для меня новыми ароматами и гранями, как алмаз в лучах солнца. Я вкусил ее, вкусил по-настоящему ее губ, ее чресел, ее плоти. Это ее не разбудило, она лежала и посапывала, а я любовался и любовался. Да так залюбовался, что проворонил момент, когда Ангелина открыла глаза, причем не как открывают их спящие, неторопливо-рассеянно, нет, она подняла веки моментально и уверенно, в упор уставилась на меня, прямо как в ужастиках, прямо как хищник джунглей при виде добычи, – я помню как ее зрачки уменьшались, суживались от резкого света! Я же лежал в ее объятиях, прижатый к грудям и тоже таращился в ее чудные очи. Длилось это несколько секунд, буквально парочку секунд, один, пауза, два, пауза, три, пауза, когда я, – признаю, что дурацкий поступок, но мне было пять лет! – ойкнул и притворился спящим. Думаю, именно с этого случая Ангелина потихонечку начала понимать, что драгоценный племян не так прост. С того момента я старался меньше прибегать к своим манипуляциям, реже забирался к ней под одеяло и всячески делал вид, что ничего не произошло, я ни на толику не понимаю что это было, я же ребенок, маленький мальчик, сирота, что с меня взять! Тетя тоже никак не изменилась в своем отношении ко мне, но я стал замечать в ее взгляде что-то новое, нечто с хитрецей и от лукавого, какой-то едва уловимый прищур с тончайшей усмешкой. Я не понимал природы этой женской реакции, – повторяю, я был от горшка два вершка! – но я на уровне животного инстинкта осознавал, что в этой реакции отсутствует самое мерзкое и лицемерное, что есть в человеке. В нем отсутствует осуждение!

...Шло время, я наслаждался ее компанией, детским садом, поездками и путешествиями, морем игрушек, – ох, тут она не скупилась, – прогулками в парках, прочей лабудой, многочисленными фильмами на кассетах, запахом тети, ее ляшками, ее грудями, но объекты, от которых мой разум за секунду мутился, – ее ножки, – вечно, заразы такие, ускользали от меня. Мало того, уж не знаю, случайность ли или Ангелина решила сама играть на моих слабостях, которые каким-то образом прочухала, а это, я смею заметить, бессовестно, я ж ребенок блин, – но где-то в период после наших утренних гляделок, она начала беспрецедентно ухаживать за своими и без того шикарными лапками. Именно с данного периода они приобрели черный цвет ногтей. Тогда же я заметил, что комплект моих сиделок-нянек сменился на более степенный по возрасту и морщинистый, а тетя начала дефилировать босичком почти всегда по всем этажам своего дома, на кухне она начала сама готовить мне кушать, чаще – в шелковых коротких серебристо-пурпурных, позолоченно-блестящих халатах, которые все как один оставляли видимой богоподобную черненькую полосочку между ее молочных желез. Она стояла в своей эфемерной накидке, играла ступнями, показывала мне розовые пяточки, мяла ножки, морщила их так, чтобы появлялись полосочки морщинок на ступнях. Потом она садилась со мной кушать. Пару раз я помню как ее ножки случайно, – случайно, ага, чудом – цепляли меня. Я в такие моменты едва не визжал, один раз поперхнулся и чуть не блеванул.

Далее одной из первых кого я видел в жизни тетя надела колечки на пальчики ног, украсила свои тонкие лодыжки золотыми цепочками, ее жилистые ручищи покрылись мно-

гочисленными, бренчащими фенечками, длинным маникюром. Я понемногу сходил с ума от вожделения, от тяги к ее стопкам, но больше всего и сильнее всего безумствовал от их недостижимости, невозможности как-то легально с ними повзаимодействовать. Окей, к грудям можно прижаться ночью, с волосами я играл и так, ее руки я не отпускал на улице, ноги, выше колена, я с легкостью безнаказанно ощупывал, пару раз исхитрился и шлепал по попе, когда мы в шутку боролись, но ступни? Как до них добраться?! Мой детский разум был в состоянии уловить: в открытую штурмовать ее пальчики на ножках никак нельзя. Но если долго чего-то добиваться, то всегда и в любом случае будет какой-то результат. Ищите и найдете (откуда взялось это вычурное «обрящите»?! Оттуда же, думаю, откуда взялось и «яблоко» в Едеме).

Я любил строить «крепости» из подушек, одеял, кресел и всего такого. Строил я весьма изобретательно, со вкусом. Порой получались целые бастионы размером с настоящую квартиру, но высотой полтора метра максимум. Ради такого я стаскивал покрывала, одеяла, части диванов со всего нашего дома. В этих замках я прятался, играл, фантазировал, мастурбировал. Все тем же своим замечательным способом. Но ложился я прямо на пол, в разных комнатах, иногда и в залах, иногда в основной гостиной на эту фреску с изображением Сикстинской мадонны, еще в детстве набившей мне оскомину. На полах всегда было жестковато. Иногда стелил одеяльце.

Во время очередной постройки укрытия мне вызвалась помочь сама Ангелина. Она говорила мне как, что и куда лучше ложить, – шучу! Класть, конечно, – управляла моими действиями, всячески руководила. Ее повелениям не могли противиться половозрелые, солидные мужики, куда уж мне. Я же подчинялся, в итоге получился хороший, крепкий почти бункер, Ангелинка накрыла его для пущей надежности одеялом, и я с радостью туда залез, а тетка села на диван рядом, впилась в телик. Лазал я там, играл и решил полежать на животе, так сказать. Моя фантазия услужливо подготовила картинки женщины-кошки, воспитательницы, тетушку, незнакомку из фильма. Примостился, устроился и вдруг понял, что внизу, ближе к полу, между подушками и одеялом есть небольшой, но все же зазор. Откуда я мог безнаказанно видеть что происходит снаружи, оставаясь незамеченным.

...И узрел я как на паркетном полу стояли две ступни с крупными, черными ногтями, с колечками, настоящие ножки, женские лапки во плоти! Был я в каких-то пяти сантиметрах от них. Пятьдесят миллиметров меня разделяло от объекта моего вожделения! Я мог разглядеть крохотные аккуратные заусеньчики на нескольких пальчиках, узоры на колечках. Ее пухлые подушечки немножко распластались о паркет, как желе. Рост моей тети чуть ниже моего нынешнего, примерно сто восемьдесят сантиметров. О да, она высока во всех смыслах. Размер ноги – сорок первый. Она являлась истинной гигантессой для меня в детские времена. И не только в детские.

...Истовость того акта самоудовлетворения трудно описать. Я силился придвинуться как можно ближе, но пришлось бы тогда вылезти из моего замка... Как же я хотел прикоснуться к ним, понюхать, обласкать, потрогать, впиться в ее кожу, нежную, тонкую и гладкую, губами и зубами, трогать и трогать их, прижаться, обнюхивать и лизать... Но мне хватило одного вида, этого оказалось достаточно. Ох, как достаточно! Финиш был такой силы, что я, несмотря на явную угрозу выдать себя, издал стон. Впервые в жизни. Прямо как те взрослые мужики в фильмах после двенадцати.

– Эй, ты чего там делаешь?

Я сразу унял все звуки, затаил дыхание.

– Играю.

– А почему хнычишь?

– Нога затекла.

Я так и ответил. Сам не пойму почему.

– Ладно, хватит, вылезай. Ужин скоро. Но чтобы сейчас же все убрал. Сам.

Есть, моя госпожа! Но это я сейчас добавляю, тогда я такого не ответил, ясен пень.

Налил бокал вина. Подумал, подумал, взял целую бутылку и пошел с ней обратно в комнату. Приложился к горлышку.

Рак – дерьмовая вещь. Я с содроганием наблюдал изменения во внешности своей родственницы, как на моих глазах она лысела, чахла, серела, худела, херела. Но ни разу она не проявила слабину при моих визитах, всегда держалась бодрячком, духарилась изо всех своих двужильных возможностей. Но мне же этого не требовалось! Эта женщина мне давным-давно доказала все, что можно доказать, мое мнение о ней не изменится никогда и ни за что. Если она от боли заплачет или поморщится при разговоре, или решится выговориться, сжать мою руку и поплакать – я всегда протяну эту руку, всегда в любое время, днем и ночью, в жару и в холод, все выслушаю, обниму ее, бережно, чисто по-родственному, дам выплакаться. Но нет, она себе подобного не позволит. Меня это отчасти обижает. Потому что помимо *вашего покорного слуги*, к ней навевается несколько коллег по работе, какие-то другие люди, глава ее охраны, прочие личности, их немало. И обидно то, что со всеми, как я мог понять, она держится примерно одинаково. Мне-то казалось, я заслужил капельку особого, отдельного отношения. Видимо, нет. Или я что-то недопонимаю или понимаю не так. Понять что-то или кого-то не так мне до крайности свойственно, говоря на прямоту.

За окном стемнело, в разуме от вина помутнело. Я допил остатки, лег и попытался уснуть. Повалился, повалился, из окна веял теплый летний вечер, эти треклятые вопли и крики накативших этим летом спортивных карнавалов. Сон, зараза, не шел.

Решил найти себе на вечер немного приключений – решил «вырубить» на недельку.

– ...Ало? Эй?! Алло?! Артур?!

В трубке повизгивали голоса, какие-то брызги, вопли, смех, гремела музыка. Басы. Жесткие басы. Клубняк. Фу.

– Артур, твою ж мать! Ало! – кричу в трубку.

Послышалась возня, потом женские голоса, они перешептывались и в итоге разразились шумным хохотом.

– Артур сейчас на совещании. Что ему передать? – поинтересовался у меня мелодичный голосок.

– Передайте ему, что он мудака.

Опять возня.

– Дайте мне сюда! – рыкнул кто-то, в ком я узнал своего приятеля, – ...Ой ты моя сладенькая, сладенькая, миленькая, миленькая... Не, не, подожди, подожди... Ало, да. Кто там?

– Угадай с трех раз.

– О-о-о, сколько лет, сколько зим!

– Я заеду? За помидорами?

– За помидо-о-орами? Нет, не так жестко, милая... Ну за помидорками подкатывай, подкатывай, без вопросов, без вопросов, а как иначе?

Кладу трубку. Собираюсь, беру ключи от авто, выхожу на улицу. Да, я в подпитии. Плевать. Нечасто, но в таком состоянии временами вожу. Не потому что я плохой. А потому что могу.

На улочке тепло. В голове хорошо. Обожаю лето.

По пути слегка чиркнул стоящий ауди или крузак, не разобрал. Но не учитывая этого, добрался без приключений. Этот элитный район в полузакрытой части города меня порой

пугает. Здесь примерно как у моей тети – словно другая страна. Другой мир. Другое измерение. И неясно где та нора кроличья, через которую сюда попадаешь ...

Высоченный небоскреб (по нашим меркам) тянулся некой спиралькой ввысь. Зашел в лифт. Мой путь в пентхаус.

Артур. Товарищ из моего периода в т.н. высшем образовательном учреждении. Весь этаж находился в его собственности и распоряжении. Подарок за его успешный выпуск. Я же, наоборот, в качестве подарка взял свободу и уехал от тетки в свои недвижимые имущества. Потому что золотая цепь – все равно цепь. И за нее в любой момент могут дернуть. Да и любая цепь унижительна порядком.

В небольшом коридоре-приемной сидели два охранника и откровенно скучали. Я бы даже сказал – находились в презрительном бездельи.

– Добрый вечер, я к Артуру, – поздоровался ваш *покорный слуга*, но этим быкам по ходу было пофиг кто я и чего мне тут надо.

Басы бухали из-за дверей, там слышались смех и крики. Внезапно двери раскрылись и из гремящей музыки, повалившего кальянного дыма и разноцветного света оттуда вывалились две полуголые девушки. Недурственные. Просоляренные, отсиликоненные, замакияженные. Красавицы эти с трудом стояли на ногах, они безостановочно ржали, держась друг за друга, шли они босиком, в руках несли туфельки. Ножки... хорошенькие. Их сразу подхватили охранники.

Следом из дверей показался невысокий, тучный парень в белых трусах с взъерошенными, топорщившимися волосами, идеально круглым, кукольным лицом.

– Так, вы двое, яхонтовые мои, берете этих двух, швыряете кучеру и домой. Поняли? Поняли меня? Надоели они. Надоели. Все, давайте, кабанчиком, – затараторил Артур, пытаясь перекрыть музыку.

Охранники подхватили две тушки и понесли мимо меня в лифт.

– О, явился! Думал, не приедешь. Как обычно. Не приедешь, думал. А ты явился, – продолжал мой товарищ, завидев меня. Он шмыгнул носом, протер его. Лицо его было чумазеньким, нос красненьким, глазки его бегали и блестели, он часто моргал и постоянно словно дергался, но по виду был счастлив и полон жизни, – Молодец. Молодец. Давай, проходи, проходи, давай, сейчас все устроим, все, сейчас. Вспомним былое, ха! Вспомним. У-ух, вспомним! Назло врагам! Назло клеветникам отчизны!...

– Стой, стой, отстань, – решил я прервать его, – Я заехал только за стафом. Все. Остаться не смогу, извини.

Артур подошел ко мне, взял мою руку и долго ее тряс, посмеиваясь.

– Но зайди хотя бы, уважь друга-то, а? Зайдешь? Зайди. Зайдешь? Все, заходи, давай, заходи, пойдем, быстренько, быстренько пойдем, заходи, проходи, – он поволок меня внутрь.

– Тура, вот бабю, дай пакетик и я сваливаю... – начал я, но каким-то необъяснимым деликатно-диктаторским образом втянул меня внутрь в царство беснующейся музыки, танцующего народа, софитов, шумов, запахов, криков, тел и танцев, охов и ахов, дымов и паров.

Довел меня до стойки мини-бара, за которой смешивал напитки какой-то мужик.

– Эй, нам две текилки, друг! – громко скомандовал хозяин гуляний.

Примостился рядом с ним. Сбоку от меня восседала симпатичная деваха с крайне знакомым лицом глянцевого типа, такого знаете, сошедшего с экрана или журнала. Она заткнула одно ухо и что-то кричала в телефон.

– ...Нет, представляешь он опять хочет, чтобы я снимала как он трахает арбуз! Представляешь?! Надоели арбузы! Нет, от грейпфрута у него раздражение...

Перед нами тут же, на стойке, лежала голая девушка. Не сидела, а именно лежала. Бармен сделал напитки и поставил две стопочки с блюдами, полными соли на ее живот.

– Я за рулем, – решил отмазаться, но меня никто не услышал. Артур тут же насыпал белый порошок на руку, вдохнул его, проглотил свою порцию и зажевал лимон. Угу, понятно. Не соль. Уставился на меня с дикой улыбкой.

Видать, самолеты все же долетели, корабли доплыли...

Я же изучил эту живую подставку. Девушка открыла глаза, посмотрела в потолок. Потом на меня. Она что-то сказала, но я не расслышал. Придвинулся к ней поближе.

– Люблю фиалки, – слабо произнесла она. Я осмотрел ее немного расплывшиеся груди с крохотными сосочками. Взял стопку и на сухую выпил. «Закусывать» не стал.

– Ну? Что думаешь? Думаешь что? А? А? Хорошо же?! Хорошо! Как там... Время – вещь необычайно длинная... Были времена... Были... Смотри!

Артур обвел рукой танцующую толпу людей. В принципе толпой назвать это сложно, человек десять-пятнадцать. Они живенько дрыгали телами под типичный убогий клубняк. Диджей чего-то мучился на пульте, а музыка все равно говно.

– Музон говно, Тура, – признаюсь я.

Он продолжал дико улыбаться, блеснуть глазами, слова мои не сразу долетели до него, но долетели. Он захохотал, обнял меня и прокричал в ухо:

– Правильно! Правильно! Видишь? Ты сечешь в тему! Только ты сечешь! А остальные – так, мишура, дыра в пейзаже, ха! Дыра! Мишура! Всем тут говорю, что музыка эта, музыка – параша. Без музыки надо жить, понимаешь?! Без музыки. Один шум врубать, бас один и все, остальное пусть сам человек делает! В воображении! Фантазирует! – затараторил он опять, – В воображении! А тут не музыка! Но этим вот нравится. А я давно говорю, чтоб только белый шум человеку! Белый шум человеку!

– Тура, я к тебе по делу, ты помнишь?...

– Или слышал про коричневую ноту? Про ноту слышал? Это когда нота такая, короче, врубаешь ее и обсираешься, – продолжал он. Удивительно, однако его частая, тарбарошная речь сопровождалась отменнейшей дикцией. Вот что значит образование, – Прикинь? Играет музыка, а ты весь в говне стоишь, грустный стоишь, грустишь грустный...

Я взял его за плечо и придвинул к себе в упор. Меня обдало ароматным винегретом из пота, алкоголя, женских духов, мужских духов, кальяна, табака и хрен знает чего еще.

– Артура Андреич. Я. Пришел. По делу, – говорю глядя в упор в его разноразмерные зрачки.

Он прячет улыбку, делает по-детски серьезное хлебало, моргает, кивает, насыпает себе немного «соли» на руку, нюхает, встает и зовет меня за собой.

Мы обходим танцующих, проходим пару заполненных телами комнат, коридоров, проходим по винтовой лестнице, оказываемся на этаж ниже. Тут, на мое счастье, потише, слышатся одни удары басные сверху и играет нечто иное. Весьма примитивное для ситуации – нечто хипшарьское. Точно, «Jefferson Airplane». Но не «Белый кролик».

Он провел меня в большое помещение, где опять были люди. Но немного, человека три. Все девушки. Не знаю, вероятно, это была ванна. Хотя непохоже. Но в центре комнаты стояла большая сауна и из нее торчали женские ножки.

– Заходи, заходи, садись, садись, ага, сейчас все замутим, намутим все, – Артур щеголяет в своих труселях белых по комнате мимо гостей, уходит куда-то, я присаживаюсь на пуфик.

На диване передо мной две девушки страстно целовались. Одна с короткой стрижкой рыженькой и в пирсинге, другая – с длинными пепельными волосами. Не то седая, не то выкрашенная. Поцеловались они, поцеловались и одна начала раздеваться.

Нет желания во всем этом участвовать, я отворачиваюсь. Отворачиваюсь без осуждения! Сейчас настроения на подобное нет, только и всего.

Однако дальнейшее заставило меня продолжить наблюдение за девицами. Пепельная раздевает партнершу. Та продолжала лежать на спине, подобрала ноги под себя, подперла руками

эти славные ножки, открывая свою киску. Пепельная помассировала бритую, розовую промежность, полизала, поиграла пальчиками, потом достала откуда-то длинную стеклянную колбу с небольшим ответвлением и очень осторожно вставила колбу прямиком *туда*, далее посыпала в ответвление бонга немного черненькой смеси. Пирсинговая лежала спокойно, посмеивалась, и видно было, что ей это доставляет удовольствие. Ваш *покорный слуга* преисполнился интересом. Пепельная, аккуратно придерживая бонг, искала глазами что-то вокруг, наткнулась на бутылку воды. Бутылка находилась вне пределов досягаемости.

Я взял бутылку и подошел к ним.

– Рискну предположить, милые сударыни, что воду нужно залить внутрь, не так ли? – интересуюсь я.

– Это ты верно предположил, – ответила мне Пепельная с игривой миной.

– Только лейте помедленнее, сударь, – попросила Пирсинговая. Я окинул ее взглядом: хорошенькая фигурка, длинные светлые волосы, приятное личико и крайне аппетитные лапки, которые бултыхались в воздухе, подпираемые руками. Не удержался и поцеловал одну. Девушки переглянулись и заискрили игривые улыбочки.

По просьбе рабочих, не спеша и понемногу, тонкой струйкой лью водичку в трубку.

– Все, достаточно, – говорит Пепельная. Достает зажигалку, поджигает черную смесь и одновременно вытягивает в себя белый дым. Когда при затяжке раздалось *оттуда* бульканье – я не выдержал и заржал.

– Сударь, не желаете испробовать? – спросила Пирсинговая, после того, как ее подруга сделала длинный, смачный затяг.

Ну грех отказаться, друзья, согласитесь.

– Не слишком сильно вытягивай, постепенно, – предупредила Пепельная. Видимо, она исполняла в их паре роль альфа-самочки. Буч, ага.

Беру трубку, Пепельная осторожно подкуривает мне зажигалкой, – удивительно как не подпалила клитор и губы. Всасываю в себя содержимое и смотрю прямо в глаза Пирсингованной. Она улыбается и словно изучает меня. Голову мою придавливает, окутывает туман и дурман, все вокруг растекается и расплывается. Выдыхаю дым, показываю большой палец, ложусь рядом с бонгессой (или как ее назвать?). Залипаю в потолок. Откуда-то льется чудесный Vacuum «I breathe».

– Ах вы, смотрите на него, вон оно что, отвернуться не успел, – раздается голос Артура, – Ой, молодца! А мне можно, дамочки? Агась... Пфффф... Ух, зарядили неслабо, неслабо зарядили, годно, годно. Гойда, ха!

Я приподнимаюсь. Рядом со мной Пепельная продолжает пыхать.

– Принес? – спрашиваю немного устало.

– Разумеется. Непременно. Вот, все в лучшем виде, – он показывает мне целлофановые пакетики, – Прямиком афганочка транзитом через Иран. Для своих держу. И, ясен перец, немножко топлива для скорости. Тоже для своих держу. Держу для своих. Своих. Но ты свой же? Свой же? Свой? А?

Достаю рулон купюр, протягиваю ему. Он странно на них смотрит, берет и беспечно швыряет в стоящую недалеко ванну с ножками. Расфасовываю столь высококачественный продукт по своим кармашкам.

– Все, Тура, пойду. Пора мне, – произношу вяло. Ох, зацепило, надо сказать, шикарно.

– Да ну постой, куда ты пойдешь, отлежись, чего ты торопишься, не торопись, хочешь зрелище увидеть? – начинает скороговоркой Артурчик, – Зрелище хочешь?

– Почему-то... Чувствую... Что... Нужно... Ответить «нет», – произношу с трудом, но искренне.

– Это ты брось, брось, не надо такое. Такое не надо. Ну-ка, зайки, давайте покажем гостю, как мы умеем!

«Зайки» закончили воскуривание, вытащили колбу из вагины. Пепельная достала откуда-то кожаную плетку, встала сзади моего друга, Пирсинговая, в чем мать родила, слезает с кровати и пристраивается где-то у ног приятеля моего, снимает с него труселя и начинает обслуживать ртом, языком и руками. Я пересаживаюсь на пуфик.

– Как жизнь? Работаешь? – спрашиваю у него и гляжу на рыженький затылок, ритмично поднимающийся и опускающийся.

– А то. А как же. Трудюсь, работаю на благо...всех подряд, – говорит Артур, – Член совета директоров банка...какого-то там. Все как надо. Живу, как человек...Нерона помнишь? ...Охх...Так, зайка, давай, ты знаешь что делать, – обращается он к Пепельной, – Когда скажу «стоп»...

– Не останавливаться, я помню, – договорила за него Пепельная и обвила вокруг его шеи плетку. Обвила туго и по-настоящему.

– Асфиксия? Ты до сих пор прешь? – немного раздосадованно спрашиваю я.

– Это непередаваемо, непередаваемо, нереально, нереально!

– Забыл, как мы чуть не утопили ту в Бангкоке?

Артур смотрит на меня сначала в непонятках, потом, видимо, вспоминает и ржет.

– Ха, ну это когда было...Когда было-то? Давно. Давно было. Былью поросло! И это мы же ненамеренно. Случайно. С кем не бывает...Я же меры принимаю предордо...препор...пердо...при...предосторожности. Осторожно все, осторожно, – выговаривает он, потом дает знак и Пепельная начинает его душить, – Тем более мои зайки – сноровисты в делах подобных! Рукасты, жопасты, сисясты! Ох-х-х...

Рыжая голова Пирсинговой учащает свои движения, Артур краснеет, глаза его закатываются, он дрожит, Пепельная наклоняется и начинает лизать щеку моего друга, у меня при-встает.

– Где нашел? – интересуюсь у него, пока его лицо пухнет и краснеет от удушения.

– К-ккххх...Вопрос излишний, ну ты что, что ты ну! Инстаграмм – рассадник заек!

Зайки заулыбались, продолжая свои воодушевленные обязанности.

– Я, когда им пользуюсь, всегда потом прыскаю пальцы мирамистином, ха, – юморя, но на меня, понятное дело, никто не слушает.

А тем временем, действие продолжалось. Пирсинговая, словно нефтяной такой станок-качалка, наяривала Артуров стержень вверх-вниз, вверх-вниз; Пепельная дважды обкрутила плетку вокруг его шеи, с невероятным азартом душила, страстно облизывала.

Я потрогал пах. Черт возьми...Присоединиться что ли?

– Ох...Стоп...Стоп...Стоп! – захрипел мой друг.

Но зайки не останавливаются, каждая продолжает свое дело, пока Артур не выблевывает желтую пену, издает странный храп и обессиленно валится на кровать. Пирсинговая сначала недоуменно отстраняется, а потом панически отпрыгивает. Пепельная дрожащими руками роняет плетку и отпускает бездыханное тело. Его причиндал не смягчился, но вместо «окончания» излился светло-желтой мочой.

Несколько секунд я смотрел на все это, пока не допер до произошедшего. Резко подскакиваю, подлетаю к Артуру, начинаю его тормошить и бить по щекам. Смотрю зрачки – расширены. Пульс...Не нащупываю.

– Чего встали?! Звоните в скорую, дуры! – кричу на заек.

Они начинают дрожать, чего-то кричать, визжать, бестолково ползают и бегают, никто не может найти телефон, я пытаюсь делать массаж сердца и привести друга в чувство.

– Где телефон? Не могу найти телефон, как же так, ему всегда это нравилось, – причитает за моей спиной Пирсинговая.

– Заткнись! Звони резче, а то засадят нас! Скорее!

– Ну где же он...

Быстро ищу в своих карманах аппарат, кидаю им, сам продолжаю откачивать.

– Вот! Быстрее!

– А какой номер у скорой? – испуганно и невинно спрашивает Пепельная.

Я даже на секунду застопорился. В голове крутится ноль три, но этот же номер вроде отменили... Ядрена вошь, а какой номер у скорой?!

Как сейчас можно вызвать скорую?!

Мы все устали друг на друга и тупим. Первым выхожу из оцепенения.

– ОТКРЫВАЙ ГУГЛ, СУКА, ИЩИ СКОРЕЕ! – ору на этих шмар, продолжаю массажировать грудную клетку Артура, затыкаю ему нос, собираюсь с духом, отгоняю привередливость и сквозь его вонь делаю искусственное дыхание. Не имею ни малейшего понятия – помогают ли подобные процедуры в таких случаях, но делаю что могу!

Зайки же в слезах и дрожащими руками судорожно пытаются чего-то тыкать в телефоне, я продолжаю мучать тело, по ходу бездыханное, моего бывшего сокурсника, вокруг заиграл сраный «White Rabbit», ну куда ж без него.

Все, ноль реакции. Девушки видят, что мои манипуляции не помогают, начинают попросту сходить с ума, орут, кричат, но и почти сразу Пирсинговая собирает свои шмотки и шустренько одевается.

– Стой, ты куда это?! – сразу накидывается Пепельная.

– Все, я домой.

– Нет уж!

– А я причем?! Ты его душила!

– Ах ты... Ах ты тва-а-арь...

Понеслась женская потасовка, хватания за волосы, шипения и повизгивания. Я обреченно доделал массаж и смотрю в это пухлое, лунообразное лицо. В бессилии или в сердцах (скорее второе) со всей дури даю пощечину по этой блиноподобной мясистой харе.

Раздается глубокий звук, словно вытащили пробку в ванной, потом обрывистый вздох, Артур, как пружина, оловянным солдатиком поднимается и как ни в чем ни бывало начинает лопотать.

– Гляди, стояк до сих пор не прошел, видишь, стояк? Стояк держится! Держится! Стояк! Ой, привкус интересный, словно дыньку покушал, скушал дыньку. А дыньки ни у кого нет, ребятки, дыньки хочется? Почему щека болит? У меня щека болит! Болит щека!... Так... Кто обоссался? Я обоссался?! Ой, стыд-то какой, негоже, негоже, стыд-то какой...

Идиот блять!

Вышел я оттуда в растрепанных чувствах, утомленный, вымотанный, но, знаете, в приподнятом настроении. Эта Артурова безуминка, особенно обострившаяся после выкидыша и последующего самоубийства его невестки, мне импонировала, заряжала она какой-то энергией, тоже безумной, но и жизнеутверждающей.

Пока спускался обратно на бrenную землю, в лифт зашло несколько жителей этого небоскреба. Все красивые, здоровые, сытые, уважаемые, лоснящиеся от собственного самодовольства, от собственного благополучия, сами их лица высечены из дорогого материала, блестящего и обихоженного. Лифт заполняется мириадами вкуснейших запахов. Я же ехал и слушал свой хай-ендовый плеер.

При виде этих господ и дам власть имеющих захотелось побалаганить.

– Дорогая, наш сын, Никодим, продает кокаин... Одноклассникам своим, – начинаю напевать, – И не только им, одним... И уже немало лет, даже мэр его клиент. О!...

Дамы и господа скривили на меня удивленно-высокомерные мины, поежились, переглянулись. В их выражениях появилось нечто кислое.

Ха.

...Да, выгляжу с плеером потешно и нелепо, ибо сейчас лето, а летом я с первого июня до тридцатого августа хожу в шортах. В одних шортах! Какой бы дождь ни шел, что бы ни было на улице – я не изменяю этому правилу. Шорты у меня разные, все качественных брендов, все ниже колен. Потому что если вы мужчина и носите шорты выше колен, то либо вы профессиональный спортсмен, либо вы профессиональный пидор. Извините. Итак, в шортах в одном кармане лежат ключи от машины, хаты, мелкая всячина, телефон. Разумеется, отвисает. И в другом кармане – мой плеер, Сони энвэ чего-то там дальше, не помню. Карман тоже отвисает неслабо. Почему хай-энд плеер, почему бы не слушать на телефоне? Потому что я считаю, что любая музыка достойна уважения и соответствующего отношения к себе. Наушнички у меня мелкие, т.к. на улице с амбушюрами гонять неудобно, но и мои мелкие тоже ничего, старые добрые Санхайзеры. И в итоге уши получают качественный звук, в перепонки льется чистое, разностороннее звучание. В данный момент – Miki Asakura «Billie jeans» (перепевка так себе, но терпименько).

Сел в машину, запрятал все нужное в бордачок, завел и расслабился. До сих пор испытываю странное, приятное чувство, когда сажусь в авто и завожу его, будто укрываюсь от всего мира в своем, чисто своем, индивидуальном замке, в своей вселенной. Колонки («Харман», разумеется) автоматически продолжают Tatsuro Yamashita «Someday». Вы не подумайте чего, я сам без понятия кто это такие, тупо слушаю всякую всячину, буквально все подряд. Только так и находишь в океане информации что-то интересное.

Когда вернулся домой, за окном стемнело. Я настолько вымотался, что едва коснувшись подушки, смог моментом отрубиться и без стимулирующих средств.

Часть 2. Протекание

*...Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.
А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»*

Вроде бы нужно дать сейчас описание действия, которым я занимаюсь, навроде некоего занятия в обществе, тренировки в зале, в принципе отстраненного акта от недавнего сна, и чтобы попутно рассказывал о своей ситуации, но извините, я ничем не занимаюсь.

Проснулся я в той же постели, где заснул вчера, в той же квартире, и в том же, приблизительно, состоянии ума. Похмелья, к счастью, не было, я валялся и лениво разглядывал полутораметровую картину на потолке (да, я повесил на потолок, почему бы и нет?). Ее по специальному заказу доставили ко мне домой прямо из каких-то областей Рима, особо не вникал. На ней на первый взгляд не изображалось ничего особенного: некая дама в обычных одеяниях из этих римско-эллинических тряпок запечатлена в момент шага. Но красота картины, – если точнее это была точная копия маслом одного барельефа, – заключалась в том, что женщина приподняла свои одежды и оголила ступни. Левая полностью покоилась на земле, одна по инерции приподнялась над ней, касаясь только носком. Я физиологически не мог не отдать должное безымянному мастеру древности, который уделил столько заботы, столько любви своей работе, особенно нижней его части, там где ступни. Правая ножка так и вовсе получилась, как живая. Величалась моя шагающая красавица «Градива» или как-то так.

...Мой фаворит – египетская. Это вы знаете. И приношу извинения, я забыл при своей классификации упомянуть один момент или еще один тип ножки, если можно это назвать ножкой. Перенесемся в Китай, друзья. О да, опять восток. В таких делах с востоком некогда мог сравниться мой любимый Рим периода поздней империи и расцвета гедонизма, да философски умудренная Греция, которая, как всякая мудрость, была терпима к широте взглядов. Но люди восточные, азиатские, пожалуй, когда-то на голову лучше знали толк в деле удовольствий такого плана.

Итак, друзья, Китай. Примерно с начала десятого по начало прошлого (sic!) века. Значит, брали бинт и девочку. Далее бинтом привязывали все пальчики несчастной к ступне, кроме большого. И заставляли так ходить, причем в обуви заведомо крохотного размера. Ходить так заставляли на протяжении многих лет, десятилетий. Оценили? По итогам многолетней деформации получался такой конусообразный кошмарчик, что описывать это я не возьмусь, потому что сердце мое не выдерживает столь изысканного издевательства над женщинами. Сие именовалось не иначе, как «золотой лотос». От такого лотоса женщины в зрелости утрачивали способность передвигаться без посторонней помощи, посему подобным досугом развлекались в основном аристократки. Ибо, с позволения сказать, пролетарки через неделю умерли бы от голода лежа на постели без возможности достать себе пищу. Не буду врать, мне сложно постичь кому такое могло нравиться, но все же я стараюсь, тем не менее, придерживаться своего главного правила: не судить, не осуждать. Рискну предположить, что многим женщинам это нравилось, а мужчины испытывали глубокое эстетическое наслаждение. Если все было добровольно,

по согласию, то и хорошо. Но китайский тип ступни – не моя чашка чая. Природа за тысячелетия эволюции (ну или сила на небе, кому что больше нравится) и без того создала визуально идеальный объект – женское тело. Не надо его ломать, не нужно калечить подобными способами, черт возьми! Так говорил Заратустра. Шучу. Так говорит *ваши покорный слуга*. И точка.

Это не значит, что я за движение бодипозитива. Нет, ничего подобного. Нужно чувствовать тонкую грань между уходом за своим телом и его деформацией. Не люблю волосы в подмышках, но и бездумно вкачанные губы тоже не по мне. Красота – это ребенок, только что севший на двухколесный велосипед. Необходимо подтолкнуть его, дать направление, подстраховать, подбодрить и научить держать руль. Но не стоит присобачивать мотор, если он упал, не стоит ребенка насильно заставлять ехать, если не получается. Или же нет, он должен... Короче, я трудно отхожу от алкоголя, поэтому запутался в аналогии. Надеюсь, вы поняли.

Египетская. Далее – высокий подъем. Иначе говоря, стопа чтобы напоминала латинскую букву «S» и обладала неким сходством с морскими волнами. Такую форму ножке придает частое ношение туфелек с высоким каблуком. Шишечки по бокам больших пальцев и в основании мизинцев я не люблю, но порой могу пересилить себя, если таковые имеются (но максимум пару миллиметров, простите, милые дамы околопреклонных лет). И да, женщин в босножках или бескаблучных сапогах я худо-бедно стерплю, но девушки-женщины в кроссовках или кедах... Спасибо, увольте, это ужас. Фэшн-индустрия за последний век дала тьму вариантов туфелек всех видов и мастей. Конечно, я не призываю никого калечиться против желания, ни в коем случае не заставляю женщину или девушку носить высоченные каблуки, если она того не хочет, так как это занятие непростое и не каждой подойдет. Но каблучок, маленький, крохотный – необходим! Ладно, говоря прямо, когда вижу прелестницу в кроссовках – моя рука тянется к пистолету. Фигурально.

...Египетская, с высоким подъемом. Размер от тридцать восьмого. В принципе короткие ногти и слишком короткие ножки не по мне, фу. Мне нравятся крупные пальчики, крупные, длинные (в меру) ноготки, а у крохотулечек зачастую все прекрасные черты не видны или почти не прослеживаются. В лапке сорокового до четвертого третьего размера стопы, контур носков, рельеф, пяточки, – оно все будто расцветает и предстает перед взором, как вино из рук сомелье при дегустации, как цветы поздней весной. Маленькие же ножки смахивают на незрелые бутоны. И судьба надо мной один раз посмеялась от души.

Была как-то раз у меня девушка, еще в университетские времена. По имени Мила. Мы сошлись не сразу, но постепенно пригляделись и поняли, что нравимся друг другу. Она имела игривый, легкий нрав, была веселой, а самое главное – раскрепощенной (в ее случае это эвфемизм под «слаба на передок», никого не хочу обидеть). Брюнетка, германо-польских кровей, миниатюрная, что-то около метр шестьдесят, а то и ниже, с обалденнейшей грудью, румяными щечками, изящными ручками, обладала отменной фигуркой и, – не поверите никогда, ни при каких обстоятельствах, – обладала каким-никаким чувством юмора.

Пара слов о женском юморе: он не крут. Не знаю чего добавить. Он не то, что не крут, а его в природе нет, как мне порой представляется. Посмотрите на самых выдающихся комиков, стендаперов, скетч-группы, сатириков. Покажите мне женский эквивалент Монти Пайтон и тогда я за долю секунды с радостью сменю позицию. Нет, «Камеди-женщин» и прочие похожие коллективы не предлагать. Почему? Поглядите там на список авторов-сценаристов. Спойлер: практически все – мужики.

Или вы слышали хоть раз во время гуляний или застолья, когда оно идет на убыль, чтобы хоть кто-то сказал «Вот бы моя подруга здесь была. Она жутко смешная!». Или слышали, чтобы какая-то девушка рассказала умопомрачительно смешную историю, рассказала с харизмой и шутками, чтобы все животы порвали? Когда вы в последний раз от души смеялись над шуткой девушки или женщины? Я вот с разбега и вспомнить не могу... Нет, смеялся, конечно, наверно. Наверно... Да, история знает разного рода Тэффи, Раневских, Дедженерис, Маккиннон, Силь-

верман и наберется еще парочка. Но это либо исключения, либо лесбиянки. Нет, правда, я сам знал пару лесбияночек, обладавших умением извергать шутейки. А, да, еще пустить шутку могут и пышечки. Тоже характерненько. Но они могут также пустить и шептуна. С тем же постоянством. Поэтому тут сложно. С юмором же у обычных женщин как-то не ладится. Фиг его знает, возможно, юмор в человеке формирует именно любовь к женщинам. Любовь к мужчинам, как показывает практика, зачастую занятие настолько неблагодарное, тяжелое и безблагодатное, что на юмор сил не сохраняется. Хотя геи-комики встречаются... Ой, сложная тема.

Я наслаждался Милой, как и она мной, надеюсь. Но, по всей вероятности, вы поняли, что все обернулось не совсем гладко: ее ножки (египетские, с высоким подъемом, ухоженные, нежные, вкусные, с фиолетовым-черным-каким-я-скажу маникюром) имели ну слишком малый размер! Такое ощущение то были не ножки, а фотографии фотошопа, которые уменьшили в размере. Она порой обувь покупала в детских магазинах! В детских магазинах, блин! А во мне от подобного словно что-то перещелкивает, — никогда не любил девочек. Да и не только я. Недавно заметил любопытное: вбейте во всем известный поисковик «почему женщины/мужчины/девушки/парни/мальчики». Везде автоматически будут всплывать наиболее частые запросы. На запрос же «почему девочки...» ничего поисковик не даст. Цензура что ли такая? Тогда почему «мальчики» есть? Непонятно.

Возвращаясь к теме: ни в детстве, ни тем более, сейчас не любил я девочек. Веет от них чем-то мальчишеским, неоформившимся, гадким. Женщина начинается от четырнадцати (внешне, а по закону — от шестнадцати и я здесь с законом согласен). Да, самой молодой моей пассии было пятнадцать, мне же тогда стукнуло четырнадцать. Но не об этом речь!

Мила старалась, как могла, но моя искра вожделения к ней гасла и гасла, и от ее стараний меня мучила совесть сильнее и сильнее с каждым новым педикюром, украшением, с каждой новой парой туфель, которые она брала на размер на два больше, чем натирали себе пятки и стопки. Делала она так, говоря откровенно, и я это понимал, скорее не из желания угодить моему пристрастию, а из-за многочисленных даров и подношений с моей стороны во время наших отношений. И, ясен пень, из-за тех возможностей, которые, как ей казалось, открывают брак со мной. Я оценил старания, но не смог привить себе любовь к крохотным стопам. Расставание произошло скандальненько и болезненно. День назад ласковая, на все согласная, ни разу меня не осуждавшая (как она сама говорила), все принимавшая, Мила после моего заявления об уходе, за секунду утратила такую широту взглядов, явила свою истинную сущность и зашоренность, обзывалась банальностями (извращенец, ноголиз, как меня земля носит и т.д., и т.п.). Что ж, мне не привыкать.

Я замечал и не раз, что женщины умеют подстраиваться под мужчину и делать вид, что разделяют его наклонности или увлечения. Они могут делать вид, что обладают многочисленными тараканами в голове, заскоками, вожделениями, но на самом деле, особенно видно в моменты конфликтов или откровений, ничего подобного милые прелестницы по-настоящему и не испытывают, ничего такого не думают. И всякая женщина, будь она *вроде как бы* панк-рокерша, би с наколками, с транс-опытом, любительница нюхнуть порошка, обожательница экспериментов, смелая, типа без комплексов, готовая на все, на все абсолютно готовая, и так далее способна в определенный момент явить *такую* «нормальность» и «адекватность», что в пот бросает. Вот она вся в коже стегает тебя, клятвенно божится, что ей это нравится, — ей это и впрямь может доставлять удовольствие, — а через секунду корит тебя же за извращенство. Эх, потемки их души, ничего не поделаешь.

Но, в то же время, подобное не отменяет того факта, что есть истинные обладательницы таких тараканов и любительницы своих девиаций. Ой, ненавижу это слово. Назовем лучше «гиперпатий», вот. От греческого, «над» и «страсть». В общем, есть, есть на свете не наигранные парафилийные, перверсивные дамы, девушки, женщины, сударыни. Уж я-то знаю! Но

искать их надо днем с огнем, целенаправленно и настойчиво, без усталости, без жалости. А если нашли – не отпускайте, обнимайте их почаще, ласкайте, держите, холите их и утоляйте!

Пью чай. Один. Подумал, подумал, и достал бутылку виски. Чего уж там, надо либо продолжать, либо не стоило начинать. Вспоминаю, что сегодня четверг.

За окном будний день, а вы пьете утром алкоголь, то с вашей жизнью или что-то невероятно здорово, или что-то кардинальным образом не так. Мой случай лежал где-то посередине. Я уже предельно долгое время являлся безработным. Тут интересная ситуация, учитывая, что и без тети, мне удалось организовать свой быт для пассивного дохода. Квартирный вопрос испортил нас, как известно. Но, опять же, если этот вопрос решен, то наш человек становится на порядок лучше. И на два порядка ленивее. Я обладал весьма солидным недвижимым имуществом, которое пустил в дело и получал крайне солидные барыши. Понимаю, что за одну эту фразу меня возненавидели многие, кто тратит все свои силы в офисах, на дымящих-гремящих заводах, в школах, в больницах, и в другом виде пота лица. Понимаю эту злобу, не осуждаю, поэтому последние пару лет стараюсь вести весьма скромный и прижимистый образ жизни. Особенно после Ангелинкиного диагноза. Не стану лукавить: возможности для иного типа проживания у меня имелись. Но пока душа того не требовала. Я пресытился многим лет до двадцати и тяги к лукулловским обедам с гелиогабаловыми нарядами я в себе не находил. Т.н. «куалункуизмо» настигло меня не в одном лишь общественно-политическом плане, но и в материальном. Да, знаю – в наше время популярны сюжетцы противоположные: от бедности в обильные врата богатства. Но нет, не мой случай.

Так-то я работал. И не раз. Тетка прилагала все усилия, чтобы из меня сделать, что называется, человека, использовала свои эти связи. Но как показала практика, особых навыков у меня в наличии не было, однако присутствовал талант превращать в балаган любое свое занятие, ставя окружающих в неловкие положения или попросту выводя всех из себя. Чаще я намеренно портил всем вокруг кровь и нервы, если видел, что они того заслуживают. А иногда без причин портил всем кровь.

...Я пуст и ни капельки не идеален, чего вы хотите. Все что меня наполняет – это вожделение к женским ступням и любовь к женским телам. Вытащи эту тягу – и я рассыплюсь. Любое искусство я воспринимаю через призму данных категорий, любой день для меня – это вероятность найти женщину или девушку с роскошными ножками. Мое жизненное устремление это никакая не воля к власти, не дорога к храму, не поиск истины и не борьба за справедливость. Мне глубоко плевать на имя текущего президента, – благо, много запоминать здесь и не приходится, – мне плевать на псевдоним патриарха, меня не касаются бомбежки чужих территорий или количество медалей на всякого рода побегушках и плесканиях в водичке; до моей души не долетают звуки телевизора и буквы из интернета, если они касаются чего-либо, кроме утоления моих интимных стремлений. Не волнует какой там курс валют или сколько наворовал очередной ратующий за духовность и скрепы, я не переживаю, когда слышу о несчастьях ближнего или вижу обездоленного (милостыню я, с некоторых пор, тоже не подаю, особенно когда узнал как там все устроено; плюс, как говаривал классик, я недостаточно беден для милостыни). Я отдаю часть своего дохода в пару благотворительных организаций, чтобы смотреть на себя в отражении без слишком уж чрезмерного омерзения.

Самое ржачное, что мне кажется, – я могу ошибаться, потому что я часто вижу вещи в искаженном свете, – но мне кажется, что у девяноста девяти из ста точно такие же воззрения и убеждения: пустые, апатичные, серые и лишенные какой бы то ни было почвы; убеждения, для которых найдется тысяча и одно оправдание, но не отыщется пяти минут в свой выходной сделать хоть что-то истинно стоящее не для себя, а ради кого-то другого или ради

некой абстрактной ценности, отстраненной от мирка своей квартирки. Они, эти фарисеи, вечные иеремиадники, старательно покрывают свои насквозь пустопорожние убеждения разными оправдательными обертками в виде круглосуточной работы, жуткой занятости, наличия собственных исключительнейше наиважнейших проблем, выплат ипотеки, перманентной усталости, отсутствия времени на высокие порывы и некие моральные общечеловеческие деяния.

Я не вижу бума благотворительных организаций в нашей стране, в отличие от той же Европы, несмотря на, казалось бы, повсеместность глубоко духовных сограждан. Мы бесимся от недопуска на олимпиады, когда сами почти поголовно снаркоманились или спились. Мы не видели ничего предосудительного в солдатах без знаков отличия, но взбеленились от спортсменов без флага. Не видел я действительно крупномасштабных демонстраций за или против разных геополитических движений нашей страны на мировой арене. Самая трендовая музыка нашего времени – рэп, самый рейтинговый сериал – нечто с братками, физруками, доярками, в лучшем случае – больной раком химик. Не наблюдал я в наших «синематографах» формата IMAX 3d dolby-digital surround 7.1 с ведром попкорна современного «Сталкера», «Летят журавли» или «Иди и смотри». Мы спасаем детей смсками на федеральных каналах, а потом покупаем сапожки или бигмаки на вдесятеро БОльшие суммы. Мы козыряем классиками, своей литературоцентричностью при вымирающем книжном рынке и почти нечитающем населении. Мы верим в силу нашей литературы, тогда как никто из наиболее крупных наших писак не получал сколько-нибудь существенных и солидных премий за последние тридцать лет. Будущее литературы нашей оказалось в прошлом, так еще и прошлое это никому не нужно. А в целом наше трактование постмодерна (и это в мире победившего постмодерна и нависшего метамодерна!) отстает лет на ...дцать, отчего наша культура и культурные плоды не нужны в современном мире. Нет у нас своего Голливуда или «Студии Гибли». По большей части, за архинаиредчайшими исключениями, мы лишь копируем, да копируем. Не лучшее и не лучшим образом...

...Мы легально и нелегально продаем безмерные земли южному соседу, полные лесов и прочих ресурсов, но собираем дрова опять же смсками на федеральных каналах бабушкам куда-нибудь в Архангельск. Каждый третий из нас – политолог, каждый второй – историк, без минимальных знаний в политологии с историей. Восстанавливаем памятники недоучке-семинаристу, но в голову не придет поставить крохотный постаментик для человека, отменившего повсеместное крепостное рабство. Боимся и не любим изучать свое же прошлое, разукрашиваем его мифами в обнимку с небылицами, в которые начинаем сами верить, строить и воспевать в настоящем.

Три десятилетия назад материалистическая до основания страна сейчас до небес наполнена мистикой. Мы не доверяем гмо, но верим экстрасенсам; мы очень верующие, но многие не знают «Отче наш»; мы за мир, но ведем несколько войн; «ихтамнет», но похорожки есть; не тридцать седьмой, но за репосты сажают; суд независимый, но решения принимаются по звонку или по понятиям; традиционные ценности, но сотни тысяч беспризорников и эпидемия СПИДа. Обвешиваемся георгиевскими лентами, но при въезде в ЕС ради сырочка, их снимаем. Какую партию у нас ни создавай, в результате получится КПСС. Каким журналистом ни работай, в результате получится пропагандист. Какого президента ни избирай, в результате получится царь. Какую демократию или социализм ни строй, в результате получится азиатская деспотия или допетровская архаика.

...Мы тщеславимся некой соборностью, но зимой и снега у соседа не допросишься. Разговоры о духовности сопровождаем пьянкой, болтовню о патриотизме – воровством. Мы любим низкие цены и хорошие товары, но ненавидим бизнесменов и предпринимателей; мы мечтаем жить богато, но не вывариваем богачей. Мы хотим денег, мы алчны и жадны не менее, чем те самые «капиталистические свиньи», но работать никто не хочет, а зачастую – просто не умеет. Ненавидим блат и кумовство когда оно у других, но в тайне мечтаем о первом и втором,

но всенепременно для себя любимых. Мы корим воров, но сами при первой же возможности готовы скоммуниздить хоть стропила прямо из-под плотника на первой попавшейся стройке...

...Мы пригубили каплю свободы, но не сдюжили ее, – за девять лет она буквально порвала нас на кусочки. И менее, чем десять лет жизни без кнута привили там такой железный иммунитет против отсутствия этого кнута, что мы с радостью, со слезами на глазах и вековой обидой на запад, вбежали в издохшую, смердящую тушу нашего левиафана, в самое его гниущее, червивое лоно, под когтистые и царапающие до мяса лапки двуглавого орла. Мы ненавидим запад, обвиняем его во всех бедах, тогда как сами изо всех сил тщимся пользоваться блага западных технологий и во всем походить на него. При такой территории, мы нет-нет, но поголодаем, а отъевшись ножками Буша, вновь бычим в сторону Атлантики.

Мы бараны, идущие бесконечным строем в ряд, бараны бьющие в барабаны, для которых сами даем кожу. Мы живем на излете пули, в фарсовом симулякре и некрофильском воспроизведении то ли империи, то ли квазисовка, со всеми худшими проявлениями что первого, что второго.

И вот, во всей этой мозаике из антиподоподобных элементов, как то трупак-атеист на главной площади страны и памятник главному крестителю в полукилометре от него, или бывший подполковник КГБ со свечкой в православном храме – во всем этом постизейном винегрете, всенациональной биполярочке, в этом идеологическом франкенштейноподобном вакууме из давным-давно мертвых и криво пришитых друг к другу элементов, существую и я, ваш *покорный слуга*. Поэтому не корите меня так уж сильно за мою плотоядную тягу к женским ступням и к женщинам вообще. Видит бог, если он до сих пор существует, я не худшее, что есть в нашей парадигме бытия.

Все вышеперечисленное, пожалуй, можно счесть за оправдание болезненности моего влечения. Я не буду спорить. И я, что самое важное, не осуждаю никого из тех, кто как-то подпадет под вышесказанное. Но, пожалуйста, не судите и вы меня. Или вы сами знаете про нравственность? Что есть хорошо или плохо? Что есть мораль и благо? Что есть истина? Перефразируя классика, я считаю очень важным, чтобы всему этому модернистско-этическому обскурантизму, ценностно-нравственному иллюзорному дискурсу был положен гребанный конец. Ни одна девушка на планете, насколько я слышал, не умерла от ласкания пальчиков. Хотя однажды я так сильно прикусил ножку одной знакомой, что у нее пошла немного кровь... Но это другая история.

Ладно, в жопу экзистенциализм!

Значит, последнее место работы – типичная синекура, охренеть какой важный и презентабельный рассадник чинуш, связанных с дорожным строительством. Вроде бы. Потому что мне так толком никто не объяснил чем они там занимаются. Чем ваш *покорный слуга* там занимался объяснить могу: пинал балду целыми днями, тратил терабайты вай-фая на просмотр фетишного uhd-порно (серьезно, терабайты, я однажды замерил), пару раз в день распечатывал документы, но в основном – дробил в кабинете, один раз умудрился в приемной начальницы, когда секретарь ушел, дробил в машине на стоянке, дробил в туалете, несколько раз там же после и заснул; иногда бывало вырубался в кабинке без штанов по пьяни, накуривался; подкладывал в каждую кабинку порно-журналы, на двадцать третье февраля в кабинки клал гей-порножурналы; однажды после недели пропитания суши и лагманом бирьеном (обжаривают овощи и специи, добавляют омлет, зелень и прочую байду) меня так скрутило, что один унитаз, мой любимый, с краешку, наглухо забился, случился крупный коллапс труб, при моем непосредственном содействии. Приехала бригада мастеров, долго чинили и выкачивали мое дерьмо. Какое-то время я любил понаяривать в приставку, благо, что размеры кабинета мне позволяли туда примостить плазму с последней «плойкой». Меня и без того не особо любили в коллективе, поэтому какая-то падла через недельку плочку-то мою свистнула. А я не стал покупать новую. Потому что красота каждой вещи для меня заключается в ее уникальности,

ее эксклюзивности, в единичности ее экземпляра. То же и с людьми. Каждый знакомый для меня – оригинальный алмаз. Но если отношения рвутся, то я рву их навсегда. Если расstaюсь с вещью, местом, человеком, то я по-настоящему расstaюсь без компромиссов и без альтернатив. А то становится еще неприятнее.

C uhd-порно вышла один раз интересная история. С окончания школы я увлекся японской анимацией – анимэ. Как вы могли заметить, я питаю некую слабость ко всему восточному, ага. Короче. В анимэ есть порно-подвид, называется он хентай. Попросту говоря – японские порно-мультки. Явление интересное, на любителя. Я же являюсь любителем всего и вся такого плана, поэтому очарование рисованных приключений меня сильно привлекло. На работе между делом нарвался на один тайтл. Вы не поверите, но его упоротость, вкупе с предельной кощунственной наглостью привлекли меня и я смотрел его чисто сюжета ради. Порно-мультик-то. Сам удивлялся. Сюжет крутился вокруг «Черной Библии». Не буду вдаваться в фабульные перипетии. Скажу лишь, что однажды пропустил преважнецкое совещание, потому что несколько часов к ряду смотрел этот наглох звезданутый хентай, он меня поглотил. Что забавно, ведь про конкретно мой фетиш там показано отнюдь немного, но я втянулся, черт побери. И да, если озвучку обычного порева я худо-бедно представляю, то как озвучивают хентай и как это выглядит – тема для отдельной беседы.

Также я настроил анонимный корпоративный почтовый ящик (подсобил знакомый не совсем легальный компьютерщик) и рассылал на весь отдел афроамериканские члены, копро-порно, обычное порно, порно с животными, порно с инопланетянами (и такое есть, сам удивился), гей-бдсм-копро-порно с карликами трансами, которое заканчивалось, – нет, я не смотрел, но пролистал, – окончанием одного из карликов розовато-желто-бордовой спермой (оказалось, ему полфильма тыкали туда штырем, прямо в дырку причиндала, и, видать, поранили). Порно я рассылал пятого, пятнадцатого, тридцатого. Аванс, зэ-пэ, премия. Шесть месяцев подряд. Наша служба безопасности (вот уж лютая тайна зачем эти ребята существовали) рвала и метала, но я долго терроризировал весь отдел. Чуть от смеха не описался, когда они взяли вместо меня другого парня. Как-то там неправильно вычислили настройки сети и вышли на бедолагу. Порывались уволить, но мне стало жаль его, поэтому на следующий день, нарушив правило, восьмого числа, я снова разослал всем подарочки, чтобы снять с него подозрения. По идее, все, что нужно было делать моим коллегам – это не обращать внимания на жалкое одно письмо в своих почтовых ящичках. Но нет, все впадали в бешенство, а точнее все симулировали бешенство и негодование. Часто именно мои письма являлись главным предметом обсуждения в курилках, в ресторане неподалеку, где мы обедали. Потом мне это осточертело, я прекратил. Вычислить меня так и не смогли.

Как вы уже догадались, попал я туда по протекции тети, поэтому позволял себе вытворять всякую такую шнягу. По правде говоря, туда все попадали по протекции таких вот тетя и дядя, мам и пап, друзей, родных и близких. Целая рота великовозрастных и не очень разгильдяев на бюджетной зарплате. На крайне вкусной бюджетной зарплате, если вы понимаете.

Но кто-то делал вид, что занимается чем-то важным и что занятие это имеет значение, а я этого вида не делал. Вот и вся разница. Я испытывал такое отвращение, полное внутреннее угнетение от этой, прости господи, работы, что мои порывы и влечения бывало оставались замороженными на протяжении всего рабочего дня. Хотя по идее коллеги-женщины там имелись весьма и весьма привлекательные. Но то была какая-то аномалия: передо мной стояла женщина, вроде бы красивая, а во мне удивительный покой, помешанный на гадости и нежелательном отчуждении. Первый раз такое было. Они просили меня распечатать очередную хренотень, поставить печать и уходили. А я возвращал вкладку с лапками в ультра высоком разрешении и только тогда оживал. Фишка была еще в том, что женщины там не принимали меня всерьез, как мужчину или парня. Что-то держало их на расстоянии, видать какой-то инстинкт подсказывал им, что я – извращенец-интеллигент. И черт его разберет какой из этих двух пара-

метров пугает женщин более всего. С мужиками же в нашем отделе отношения у меня были ровные, не дружественные, но и не враждебные. Никакие, честно говоря.

Но под конец моего тамошнего пребывания к нам пришла в отдел новенькая. Она являлась наложницей какого-то крупного мужичка, поэтому обладала феноменальной внешностью. И феноменальной стервозностью. И архигодными лапками. За окном вовсю парило лето, в нашем офисе плескалась кондиционерная прохлада, но все равно жарница разлилась по воздуху и не отпускала никого. В один из таких дней наша начальница привела ее – Лейлу. Черные, пречерные, как ночь, длинные волосы, узкие глаза, смугленькая, высокая и стройная, вечно алогубая, вечно в светозащитных очках, но далеко не девушка, в ней присутствовала степенность и цветение вылупляющейся женщины. Но это все лишнее.

Главное: Лейла обладала шикарными ножками! Вот честно. Я начинал чувствовать вездесущую руку моего провидения. Египетские, очень высокий подъем (вот с подъемом границ для меня нет, чем больше изгиб – тем лучше, возможно, говорит мое плоскостопие, не знаю), ровные, крупные пальчики, аккуратные ноготочки, как жемчужинки, как ягодки на ветках. Ее пяточка была гладкой и крупной, ножка расширялась к носку, ее изгиб был живописнее и характернее из-за выпуклости под большим пальцем (не с боку! А «под»). Да, немаловажная деталь: мне нравится именно расширение от пятки к носку. Когда нога идет ровно или расширяется слабо, то выглядит маленько нелепо. Ее пальцы обладали приятными формами, крупным для пальчиков размером.

Как я сказал выше, меня в коллективе недолюбливали (кроме безделья, мастурбации и бесконечного порно я часто по-разному подкалывал и насмехался над коллегами, сам не знаю зачем), поэтому на каком-то этапе меня начинали понемногу подвергать «остракизму», в особенности рвались отжать мой кабинет. Я и не сопротивлялся. Поэтому Лейлу посадили ко мне. Возможно, надеялись, что она меня выживет или достанет.

Мне хватило пары вздохов для понимания очевидности: она сама любит свои ножки, обожает за ними ухаживать. Похоже, это любил и ее мужичок. Она имела властный и несносный характер, была высокомерной, ужасающе высокого мнения о себе при жиденьком уме и зыбком образовании. Чем-то напоминала мне Ангелину, кусочками характера, но только у Лейлы – крыша пониже, дымочек пожиже. Во всех смыслах. Мы начали общаться поневоле и без удовольствия, потому что я ей сразу не понравился. Расположили свои столы рядом, почти напротив, но так, чтобы не видеть особо друг друга. Однако же я мог вполне наблюдать за ее стопками под столом, ее туфли были видны из-под него. Этого для меня достаточно.

Самое забавное, что она-то вынуждена была заниматься чем-то серьезным. Ну то есть бывало она печатала какую-то белиберду, делала пустопорожние звонки в эти разные департаменты. Являла, короче, бурную деятельность идиотского толка.

С первых дней она постаралась поставить себя как надо, альфа-самкой кабинета. А я бы и не против, но... Поймите меня правильно, подчиняться красивой женщине с внутренним наполнением – удовольствие. Подчиняться красивой женщине с пустотой внутри – пошлость. Она за неделю заполнила ящички моего бывшего шкафа своими прибабасами, туфлями, какими-то чашками, зеркалами, сумочками, заняла всю вешалку, перетасила к себе чайник. Она в наглую брала мои канцелярские принадлежности, взяла мою мышку и клавиатуру (удобнейшие, оптические, миниатюрные и стильные), порывалась заграбастать куда-то и плазму, хотя она вполне могла ей пользоваться и так (заметил, что шурупы расшатаны, будто кто-то ее зачем-то отрывал). Я намеренно податливо проигрывал, делал вид, что со всем смирюсь. Разумеется, далее темпы нарастали, ибо женщины не знают когда нужно остановиться в таких ситуациях: она сваливала на меня свои полномочия, и даже парочку особо важных каких-то обязанностей (дала мне поручение сделать отчет и оформить какой-то договор). Я ждал этого и все послушно, безоговорочно выполнил, но намеренно оставил пару косяков в документах, труднонаходимых сразу, но имевших фатальное значение в перспективе. Перспек-

тива эта нагнала Лейлу в тот же день, когда она переставила к себе мой любимый яблочный моноблок (когда увольняли – скомуниздил его, не смог удержаться). Осознание того, что мне придется отныне возиться на каком-то сраном ПК и угрибищном мониторе, осознание того, что все мои настройки и вкладки с любимыми страничками, сайтами, ресурсами, со всем прочим мне более не доступны – это осознание привело меня в бешенство.

Но, если по правде, то в бешенство меня привело то, что я не имел ни единого гребаного шанса наладить мосты с обладательницей таких шикарных лапок. Когда Лейлу вызвала истеричка-начальница к себе в кабинет по поводу документов, мною оформленных, я испытывал глубочайшее сожаление и грусть, в момент осуществления замыслов по забаве с ее шмотьем. Взял роскошные туфли из мягчайшей кожи, обнюхал их, поцеловал, не удержался и спустил туда. Знаю, это неэтично, но соблазн был велик, ее аромат, форма туфель, вмятинки от подушечек пальцев ухватили мой разум и выжали, как губку. Хотя запахи – отдельная тема, про нее ниже...

Я поставил ей обратно ее сраный комп, вогнав туда пару шикарнейших вирусов (всегда таскал с собой на работе флешку с ними, видать чувствовал, что пригодятся), не ломающих систему, а именно делающих из нее изводящее до нервного помутнения хреновину. Вернул к себе моноблок и запоролил его. Лейла вернулась красная и озлобленная. Наша начальница умела доводить людей и держать их в нервном иступлении. А иначе как бы она стала начальницей? При новых видах кабинета Лейла впала в ярость и бросилась на меня с кулаками. Драки с женщинами – не мое. Какая бы она ни была, я в какой-то мере все равно люблю ее и отношусь с нежностью, мне больно когда не получается обойти конфликтов с противоположным полом. Если ситуация доходит до рукоприкладства, то я терплю, если я вижу перспективу развития отношений, или использую навык «балаганства».

И тогда произошло второе. Под ее крики и вопли, подгоняемый шлепками и тычинками, я вывалился из кабинета и намеренно прошел в приемную, где сидела охрана и где висели камеры. Охрана, стоит отдать должное, среагировала оперативно: она аккуратно, однако не без жесткости отлепила от меня беснующуюся все больше и больше Лейлу. Я порой замечаю, что женщины, когда начинают истерить и проходят некую точку в эмоциональной амплитуде, теряют возможность остановить себя, даже несмотря на окружающих и все вокруг. Лейла орала и визжала, – я немного испугался, честно, врать не буду, орать она умела, – охрана ее скрутила, пришла начальница со своим замом (по совместительству – бывшим мужем) и отвела к себе на воспитательную беседу.

Что и говорить, после этого любой шанс заполучить ее ступни себе в рот испарился, как сперма в солярии (знаю, что испаряется, знаю!). Она пыталась оповестить своего мужичка обо мне. Одним жарким вечерком на мой телефон даже поступил звонок, из трубки прозвучал нежданно приятный и воспитанный голос, весьма солидный, который поинтересовался кто я такой, чтобы «беспредельничать с моей женщиной». Я сказал, чтобы по этому вопросу они обратились на номер такой-то и дал номер Ангелины. Звонков мне больше не было, Лейла на следующий день совсем поубавила пыл, но между нашими столами пролегла капитальная демаркационная линия. К слову, это был почти единственный раз когда я в наглую и по-трусливому обращался к имени своего опекуна. Но здесь я сразу понял, что быстрее и энергозатратнее поступить именно так.

Далее я ловил иногда лейлин колючий взгляд в свою сторону из-под сраного пекашного монитора. И наблюдал за ее ножками. Ну ничего не могу поделать: вроде и человек особо неприятен, а ножки прелесть. Встань она, подойди и скажи в любой момент «отлижи мне ножки и тогда мир», или же «давай мир и тогда сможешь отлизать мне ножки», – в ту же секунду я бы делал свое дело. Да е-мое, если бы она сказала «отлижи мне ножки!», – просьба была бы исполнена. И моноблок бы ей свой дал, и мышку с клавишей вернул, и колесо бы в машине не

пробивал (ой, да, забыл упомянуть), и посоветовал бы не пить из бывшей моей чашки (я и туда спустил по ходу дела, мелочи, неважно).

Ладно, думаю, о моем отношении к труду вы поняли. Настал день Д и час икс, когда я решил, что, пожалуй, на этом идея построения карьеры и стабильной, пракормушной, охренительно оплачиваемой работы для меня закончена. Я написал заявление об увольнении, все тщательно оформил. Лейла сидела напротив и что-то там делала в своем компе, цокая и нервничая (некоторые вирусы ей раз в две минуты сворачивали окна и раз в полчаса его перезагружали, исправить их пока не смогли). Я с грустью, с непреодолимой тоской вздохнул и приспустил шорты (мне одному можно было не соблюдать дресс-код). Далее моя рука начала ритмичные движения вверх-вниз, глаза же поедали ее ножки, все так же аппетитно выглядывавшие из-под ее столика. Она в нервозности от работы своего сраного ПК терла пальчиками друг об друга, злобно давила ими в пол, ее ноготочки и подушечки белели, несколько тонких вен вздулись. Лейла подцепила одну туфлю большим пальчиком и шатала ею, крутила, вертела, туфелька упала. Она потирала ножкой о ножку, сжимала пальчики и мяла ступни так, что проступали косточки. Ее бецветный, но крайне аппетитный лак поблескивал. После очередной перезагрузки сраного ПК, Лейла в отчаянии взялась за голову, издала обреченный вздох. Ее лапки расслабились, она положила левую ступню на правую, больше ими не шевелила. На ее левую ступню подцепилась какая-то грязь, но Лейла этого не заметила. Я кончил и это Лейла заметила.

– Какого?!... Ты что там делаешь, придурок?!

Я не спеша заправился, взял со стола бумажку, протер пальцы. Результат моей деятельности капал с внутренней части стола на пол, она могла это видеть. Она на это и смотрела.

– Совсем офанарел, идиот пришибленный?! Имбецил, козлина, на этот раз, тварь, тебе никакие родственники не помогут, я на тебя в суд подам! Слышишь?! В суд! Козел! За домогательство! Мудила! Дрочила поганый, молись, сука!

Это меня чуточку напугало, признаюсь. В наше время с домогательствами шутить нельзя. Я встал, взял заявление и подошел к выходу. Как раз вовремя, ибо Лейла уже вскочила из-за стола, зачем-то поближе рассмотрела лужицу моей кончи и кинулась к двери. К ее неудовольствию, дверь захлопнулась перед ее носом, я закрыл ее на ключ. За кабинет отвечал я и закрывал его тоже я. Она застучала кулаками, но мне стало глубоко наплевать. Я отнес заяву начальнице, та и не скрывала своей радости, молниеносно все подписала, поставила необходимые печати. Сказала, что больше могу не приходить, через два дня только зайти за трудовой в отдел кадров. Формальности с неделями отработки во время увольнения тоже взяла на себя. «Все, скатертью дорога. Доколебал ты меня. Сама хотела в течение месяца тебя турнуть в другой департамент. Никакая тетя бы не помогла». Я вежливо поблагодарил ее за все, извинился за свое поведение, признал, что сотрудник из меня фиговенький, встал, зацепил горшок с ее любимой лилией или розой, или мне-честно-говоря-насрать, он упал, засыпал землей ковер и поломал стебель. Я оперативненько под крики уже начальницы покинул офис, выкинул ключ от кабинета в мусорку и больше там не появлялся. Подрядил знакомого из соответствующих органов однажды зайти в офис, чтобы «конфисковать» мой любимый моноблок, типа для «следствия». Трудовая моя (или скорее «волчий билет») там и лежит. Как и диплом в универе, кстати.

Пара слов о домогательствах: они не круты. Насильники, те вероломные ублюдки, которые позволяют себе причинить физический вред женщинам должны нести безоговорочное наказание, вплоть до пожизненного или электрического стула. После того, как все это будет доказано в суде. Если по результатам тяжб, привлечения доказательств, суда присяжных и нормального следствия будет установлен факт насилия – в камеру выродка, да поглубже. А то, что происходит в наше время... У меня крутятся мыслишки об этой «охоте на ведьм» лефтист-стайл, я их никому не высказываю, но вам поведаю. Чтобы понятнее была моя позиция

начну с двух максим. Первая: люди не равны. Вот просто не равны и все. По уровню интеллекта, образования, силы воли, физических, духовных, материальных возможностей. Мы не равны и перед законом, невзирая на то, что многие страны сделали существенные шаги в этом направлении. Вторая максима: жизнь не справедлива. Вот просто несправедлива и все. Миллионы людей каждый день рвут спины, чтобы заработать себе и своим детям на кусок хлеба, а другие тысячи попивая «Billionaire champagne» на яхте, кидают алмазы, как орешки, в задницы ультра топ-моделей, в надежде попасть им прямой наводкой в анус. Кто-то живет достойно и благородно, по всем заповедям и его насмерть сбивает машина по дороге на работу. Кто-то, после тридцатилетней беззаветной пахоты получает пенсию в восемь пятьсот. Ре. А кто-то ворует, убивает, и доживает до старости, не ведая бед и болезней.

Итак, люди не равны, жизнь несправедлива. Отсюда следует, что порой должно происходить несправедливое и за это кому-то может чего-то не быть. Особенно, если этот кто-то дьявольски талантлив.

И чтобы яснее очертить мои чувства, приведу в пример речь мною нелюбимого, но все равно крутого пердуна Джорджа Карлина о Майкле Джексоне. Венчается спич так: «Дайте ему ватагу ребятишек и пускай танцует». Да, за некоторых Вайнштейну необходимо оторвать яйца, однако, если он выдаст миру еще разик нечто сравнимое с «Влюбленным Шекспиром» или «Криминальным чтивом», то... ну вы поняли. И это я взял наиболее отпетого из них. Ведь случай с более милым сердцу вашего *покорного слуги* Луи Си Кея, – то есть когда он наяривал в присутствии женщин, а те вот прямо парализовались жутким страхом и не могли уйти (да, теперь, видимо, член мужика это дудка заклинателя змей), короче не суть, – случай этого рыжего клоуна более спорный. Однако, я жутко сомневаюсь, что хотя бы одна из этих «парализованных» ужасом от дочки женщин сможет выдать на гора «Хораса и Пита» или сравнимый по качеству стенд-ап. И так далее, список можно продолжать бесконечно... Леваческая эсдживи коса тампонного правосудия дотянулась уже и до астрофизиков! Краусс, Нил Тайсон – чудеснейшие люди, а вот нет, теперь домогаются! Будете смеяться, но даже парализованного старину Хокинга обвинили в домогательствах... Господи, прости. Царство тебе космическое, Стивен. Наши молодые оплакивали ублюдка-рэпера, но и про тебя здесь помнят!

...Почему-то мне пришел на ум «наше все» Санек Сергеич и «почти все» Мишаня Юрьич. Как звали тех бабенок, из-за которых наша цивилизация потеряла небо и солнце? А она их потеряла из-за бабенок, да-да, давайте говорить прямо. Так, Санек почил благодаря «ордену рогоносцев», потом... Вспомнил! Гончарова Наташка. А Лермонтов? Не могу припомнить-то без старушки Википедии... Чтобы сократить количество камней в себя, повторю снова: насилие над женщинами – непростительно и непозволительно. Если все доказано в суде. И если дело не касается обычных, ординарных людей, таких как я. Или кто-то из вас. То же работает и в сторону женщин. Если завтра окажется, что какая-нибудь именитая режиссер или писательница или ученая мусолила киску в присутствии некоего хрен пойми какого мужика, то я буду первым, кто встанет на ее защиту!

...Ох, за такие измышления в наше время могут распнуть! Так и вижу: целиком феминизированный женский синедрион брызжет на меня слюной, в безумстве главная из них Анна (пока что лучший мой каламбур, ха!) указывает на меня перстом и вопит, срывающимся криком: «ВИНОВЕН!». Меня раздевают, на голову натягивают женские трусики, на пах – пояс верности, пинают и давят меня сладкими ножками, кладут несобранную кровать из ИКЕИ на спину, а после – гонят под крики и под градом использованных тампонов по брусчатке рядом со штабом FEMEN где-нибудь, скажем, во Франции. Осмеянный и попранный, попрошу первого-встречного француза прислониться к его дому, чтобы отдохнуть, а тот оттолкнет меня, скажет, что могу отдохнуть на обратном пути, и тем самым станет Вечным Антисексистом; состоящая из тысячи неподходящих друг к другу деталей кровать будет натирать спину под палящим солнцем. Взойду на пятачок рядом, к примеру, с Тюильрийским дворцом, под уда-

рами хлыстов и плеток начну сборку кровати, прибью руки себе, – причем сам себе, – и повисну на ней, а слева и справа уже висят Вайнштейн и Спейси. Над головой моей будет висеть титло *Invictus Novum Reactionary Interventionist*. Подойдет Лонгинесса, из милости или по поручению, предложит испить уксуса с менструальной кровью, в последнем порыве мужской солидарности я попрошу ее дать испить двоим по бокам от меня, а потом Лонгинесса начнет забивать меня насмерть громадным дилдо цвета радуги под аккомпанемент кокофонического хора из нечленораздельных женских воплей. А я не выдержу под конец, да и эякулирую сквозь мой узкий пояс, кто-то найдет чашу, соберет это. И испущу я дух со словами на неопределенном языке, которым дадут перевод.

...Нет, не умею я пить. За окном – вечер, а головушка моя что-то слишком поехала. Хотел заскочить сегодня к Ангелине. Видимо, не судьба. Завтра.

В общем, с тех пор я не работаю. На этой почве тетушка решила прекратить свое финансирование и поддержку моей скромной персоны, однако на ее несчастье, мои родители когда-то одарили всем необходимым. Я понимал Ангелинку, понимал, что она сделает все что угодно и договорится о любом рабочем кресле в городе, чтобы только я начал чем-то заниматься по жизни. К ее сожалению, да и к моему отчасти, заниматься чем-либо, кроме утоления своего фетиша я не хотел. Да и не умел.

В холодильнике нашел годный сырок, столь редкий при текущей санкционной обстановке, но не нашел хлеба. Тьфу, ты. Ладно, все равно хотел пройтись.

Выхожу на улочку, а тут хорошо. Так хорошо, что чутье мое подсказывало: должно произойти что-то неприятное и скоро придется врубать «балаганство». Иду, оглядываюсь, остерегаюсь, город живет и кипит своей жизнью, тучи машин, груды людей, а я пьяноват и в неопределенных чувствах. А кругом – праздник жизни, все цветастое, все в лентах, везде кричат, везде улыбки, чертов Му(а)ндиаль.

Весь город в красках и лентах разноцветных. Чертов му(а)ндиаль.

М-да, мне думается, вы догадываетесь о моем отношении к данному спортивному шапиту. Пара слов о спорте: он крут. Но занимайся им сам, а не смотри, как им занимаются другие. Самому заниматься гимнастикой, физкультурой и прочим «оспортививанием» – это клево и круто. Зачем наблюдать как это делают другие? Для меня остается очень загадочным странное повальное увлечение просмотром того, как двадцать два здоровых потных мужика пинают кусок надутой кожи. Нет, правда. Мужики бегают и пинают шар. Ух, как здорово-то!

В качестве альтернативы я пытался переключиться на женский футбол.

Пытался.

Чуть не блеванул. Пардон, однако эти потные, высушенные, полунакаченные, орущие бабы, изо всех сил пытающиеся переплавить утонченную женскую природу в мужскую жестокость для меня тошнотворны. Чем-то вовсе увечны. Женские единоборства так вообще лучшее средство для вызова рвоты. Хотя врать не стану, женский лесби-рестлинг с последующим straponом во мне что-то такое-эдакое поднимает...

Нет, разумеется, одно дело, когда женщина учится приемам самообороны, чтобы дать какому-нибудь мудаку по яйцам в подворотне. Никаких вопросов. Совсем другое, когда женские плечи по ширине равняются с мужскими, когда костяшки грубеют и набухают, когда у нее твердое, как бы мускулистое тело... Имел я опыт с подобными дамами и считаю его в чем-то полугомосексуальным. Фу! Тьфу.

Возвращаюсь к му(а)ндиалю. Нет, ну а что вы хотели от наших женщин? Вы лица мужиков у нас видели? Вот и ответ. Это я не говорю о кошельках у наших мужиков.

Опять же по классике: «И ребер больше там у пыльной батареи в подъездах, чем у дам. И вообще быстрее нащупывает их рукой замерзшей странник...». Вот бабоньки со страшной силой и нащупывают... Как же хорошо у нас летом! Какая же вокруг все же красотища, друзья! Нет, сейчас произойдет нечто пакостненькое. Я прямо чую.

Мимо прошла пара прелестниц, очень недурственных. И явно не заинтересованных в славянской крови. Нет, что ни говорите, но богата наша земля на красавиц. Внешне красавиц, по крайней мере. Чего никак вот нельзя сказать про нас, мужиков...

...Ну да, так и есть. Рядом с магазином стоит пара волонтеров какого-то политика или партии. Цвета сходные с флагом. Угу, понятно. Но, слава Шуб-Нигтурат, волонтерша приятненькая, уставшая, но привлекательная, блонди, студенточка явно. Так, а ножки... Ох, ты ж, падла, в кроссовках!

– Добрый день, у вас есть пять минут?! – резво спросила она.

– Охайо, – отозвался я, – Боцубоцу-са, – вспоминаю чего еще выучил в аниме, – Ксоэ! Икосо. Итгадакимас!

– Что, простите? – переспросила она учтиво.

– Сейчас вечер, – хмуро ответил ваш *покорный слуга*.

– Ой, да. Вы правы! Но неважно. Скажите, вы можете уделить буквально минутку? Для коротенького опросика.

– Н-н-не. Не могу.

Ай, неуверенно с пьяну ответил. Все, сейчас прицепится!

– Это не займет много времени, я вам обещаю. Обычные вопросы по поводу модернизации окружающей среды нашего чудесного города! Ничего сложного и обременительного, поверьте, – защебетала она.

– Да вы знаете, я приезжий.

– Еще лучше!

Твою ж мать, думаю. А она напирает:

– Приезжие вносят свежий взгляд! Откуда вы?

Ты докопалась со своими вопросиками.

– Из... Я из..Э-а-м... – по географии я когда-то выступал на олимпиадах, но сейчас вся мировая топонимика вмиг испарилась из моей головушки, – Из..Р-р...Рук...С-с...

Сука, думаю.

– С-с-у... Сы... С-сызрани.

Глаза девчюлечки расширились от удивления и восторга. К моему ужасу, вроде бы неподдельного.

– Сызрань! – восклицает она, – Это замечательно!

– Как вам сказать...

– Замечательно! У вас там чудесные люди.

Ну точно она из всем известной партии. Наверняка им такой скрипт и выдали: если ничего про город не знаешь и ничего в городе нет, кроме воров и пьяниц, то скажи какие там замечательные и чудесные люди, ага.

– Знаете, у нас там еще чудесное животноводство, – ляпнул я.

Девчюлька запнулась, хмуранулась, но совладала с собой, вернула улыбку, радость, и затараторила:

– Это замечательно! Но смотрите, сейчас, в такие дни как наши, когда каждый из нас должен отдать все свои силы на развитие конкретных исследований, на развитие и углубление наших связей со смежными областями общественных движений...

Честно вам скажу, на этом месте мозг мой поплыл и я тупо слушал, не понимая ни слова, стоял и ждал когда она кончит. То есть кончит читать. То есть окончит речь свою.

– ...В такие дни особенно важно для нас укреплять и повышать национальное единство для всех и каждого...

– Ага. Так.

– ...Морально-нравственный уровень каждого и всех, духовную чистоту, личную честность, честно относиться к чистоте города, повышать уровень его инфраструктуры...

– И животноводство, – произнес я с упрямством.

Девушка опять запнулась, прожевала конец тараторилки своей. Но шустро вернула себя в русло:

– Безусловно...Это бесспорно...Животноводство...В первую очередь...Но что касается все же опроса, то скажите, поставите же галочку? Вы согласны, что нужно нам это вот все? Поставите? А?

– А?

– Что?

– Что– что? В смысле?

Не стебался, я правда не догонял.

– Ну вы согласны, что нужно? Работа ведь ведется.

– Куда?

– Что куда? – спросила девушка и я начал видеть, что ее улыбка с благожелательностью таяли, как снег летом. Во какое сравнение. Изысканное.

– Куда ведется? – переспросил я.

– Что ведется? – окончательно потерялась девчулька.

– Работа. Куда ведется?

– Работа... Ну ведется. Смотрите...Ведется она. Ну куда ведется... В никуда! –воскликнула она, теряя терпение.

Наступила пауза. Я стоял, ждал, что она скажет. А она замолкла и смотрела на меня с подозрением. К ней подошел вымученный парень тоже с анкетой. Видимо, коллега. Оба уставились на меня. Как телепузики на пылесос, честное слово.

– А вы, простите, кто по политической ориентации? – нервно спросил паренек.

– Я-то? Я – либерально-правый рыночник-центрист с уклоном в легкий троцкизм. Крайне радикальный, – меня начинает штормить и подташнивать. Надо сваливать.

– Это как? – переспросила девица.

– Пока не знаю. Пойду узнавать. Удачи, ребята, – сказал я, рыгнул, и вошел таки в этот чертов магазин.

Что за страна, хлеба купить нельзя, чтобы не чувствовать себя отщепенцем или предателем!

Пьяные сны. Как много бреда в этих словах. Мне полночи мерещились какие-то маятники, которые раскачивались от дам, одетых в викторианские строгие наряды с детьми на руках, до полуобнаженных сочных милф-хиппи, которые орали «Засужу!». Посреди ночи, полупьяный, с сушняком, по всем фронтам хреново чувствующий себя, очнулся с этим громогласным «Засужу» в ушах, рядом с ванной, почему-то на полу (на языке Тонго, подобное именуется «Рхвэ». The more you know!). Но сразу уснул и остаток ночи я поедая женщину. Нет, не настоящую, вроде бы. Это был торт, огромный в полный женский рост, какой-то мой подсознательный кулинар превзошел сам себя,– кондитерская фемина выглядела как настоящая. Я начал с ножек, они были сделаны из зефира и шоколада, аккуратно их отрезал, положил на тарелочку и с удовольствием умял. Помню, как облизывал ложку, ложку блестящую и длинную, облизывал ее, потом взял и сунул прямоком в лоно женщины, меня обуяла злоба,

я черпал из нее горстями кондитерскую сукровицу, начал плакать, но она была вкусной, я ел, давился, что-то вываливалось изо рта...

- Эй! Ало? Слышишь меня?
- Умгум.
- Спишь что ли?
- Почти. Проснулся
- Весь в делах, как обычно. Половина первого, а ты «почти проснулся».
- Чего хотел?
- Слушай, такое дело. Мне надо через день, послезавтра уехать из города.
- Едь.
- А на работе не дают отгул. Никак.
- Тогда не едь.
- У меня бабушка умерла. Похоронить бы надо.

Я раскрыл глаза, поприветствовал женщину на потолке, порадовался, что таки дополз до кровати, присел. Всю ночь лежал я как-то неудобно, аж спину ломило. Пока садился, нарвался на что-то длинное и упругое. Ага, так и есть – дилдак. И пакетики от разогревающих гелей. Хоть закрывай богатства эти на время пьянствований, честное слово.

– Соболезновать не буду, – говорю и рассматриваю резиновый член с венами, – От меня чего хотел?

– Не надо, теперь согласен с тобой. От этих соболезнований только больнее. В общем, это, меня бы типа на работе подменить. На пару дней. Там я договорился, главное, чтобы человек был. Адекватный. А ты по-моему адекватный.

- Стас, ты точно мне хотел позвонить?
- Да тебе, тебе, не остри. Не забыл где я работаю?

Пытаюсь вспомнить. Он по идее мой лучший друг, но мы и не виделись давно, да и понятие «друг» для меня весьма расплывчато. Нет, я не думаю, что в дружбе один раб другого, но все равно расплывчато. Черт возьми, я его фамилию точно без ошибки не напишу, боюсь. Какое там место работы.

– Забыл.

– Магазин «Товары для всей семьи». На пересечении улицы Воскресения и Красных партизан. Вспомнил? Несколько месяцев назад вроде ты приходил к нам. Но не моя смена была.

Секс-шоп. Точно. Вспомнил. Называется «Товары для всей семьи». Неймбрендинг, да. В наши крепкие времена по-другому если назвать, то могут разные активисты и мочой залить.

– У меня мало опыта работы на кассе, – признаюсь.

– Там несложно, научу. Так что, согласен? Половину ассортимента знаешь и без ознакомления. Причем с детства, – сказал Стас и заржал.

Смешно ему. Дебил.

– Послезавтра уезжаешь?-решил я уточнить.

– Ага. Но завтра нужна замена.

– Давай вечером сегодня тебе сообщу, ты позвони, не забудь. Я ж с теткой вожусь.

– О, – глухо откликнулся он, – Забыл, блин. Извини. Как она?

– Чуть лучше твоей бабушки, – сказал я и заржал. Он, кстати, тоже. Но это был такой ржач, знаете, как бы натужный и несчастный, ржач как попытка убежать от страха и реальности. Ржач, идущий рядом с отчаянием, сардонический, ага. Поэтому он у нас быстро сошел на нет, – Короче, вечером маякни. В принципе, почему бы и нет.

– Блин, типа выручишь сильно. Без дураков. Не забуду. Вечером мигну, – проговорил Стас и положил трубку.

Я же сидел на своей огромной кровати под сенью моей репродукции на потолке и осматривал стол. Помимо хлебушка, ваш *покорный слуга*, взял бутылку виски. И благополучно выжрал. Неслабо. Странно, что сны запомнились, обычно в таком состоянии...

Тут на мое плечо легла чья-то рука.

– Мать твою, сука в душу перемать, святые отцы!

Я рванулся с кровати, как ошпаренный, неловко поскользнулся и повалился изящнейшей дугой на свой стол, раздался треск, звук разбиваемого стекла, падающих бутылок, осколков, льющейся жидкости.

– Ты чего, совсем ку-ку, что ли? – воскликнула Кристина. Она сидела на моей кровати в одеяле и глазела на мои пируэты.

– Ты...Как тут...Как ты?! – пытаюсь собрать мысли. Когда я ей позвонил-то?! Или чего она тут делает.

Я почувствовал что-то теплое позади спины. Приподнялся. Достал пару осколков из верхушки попы.

– Фу, стой. Есть бинт и перекись? Не трогай! – сказала Кристина, вывалилась голая из простыней, шлепая ножками по полу, направилась в ванную.

– Ты как тут оказалась?! – кричу ей туда.

– Задавать такой вопрос неприлично, чтоб ты знал, – послышалось оттуда.

– Знаю. Но как ты тут оказалась?!

– Ты сам позвонил, – сказала она, когда вошла обратно в спальню с какими-то медицинскими прибамбасами и полотенцем, – Пьяный. Звал куда-то, потом к себе пригласил, потом пытался мне спеть «Too much love will kill you», потом пытался Бродского зачитать. «Письма династии Минь».

Она быстро утерла с пола остатки сока и виски, зашла мне за спину, начала водить ватой и мазью по царапинам.

– Обалдеть. Ничего не помню. «Письма» это где «Дорога в тысячу ли...»?

– Еще б ты помнил. Оно, да. Я когда приехала, ты был уже не пьяный, а в говно, извиняюсь. Потерпи.

– Ай! И как оно прошло? Ай-яй-яй!

Она вытащила еще пару кусочков моего бывшего столика, зажала раны жгучим раствором.

– Ты едва меня не облевал, как увидел, потом обнял за попу и заплакал. Причем успевал кусать мой живот. Потом говорил, что ненавидишь. Потом клялся в любви. А потом отрубился.

Кристина доворожила над моими ранениями, поставила бутылек с йодом и ватки на пол, села рядом.

– В любом случае, бывало у меня и хуже, – подытожила она, прислонившись ко мне головой. Пахло от нее перегаром.

– Ты тоже накатила что ли? – спросил я.

– Дотащила когда тебя до кровати, убедилась, что пистолетик твой стрелять не в состоянии, допила вискарь, да. Нет, ну а что?

– Ты трогала меня пока я валялся пьяный? Я могу теперь на тебя подать в суд. Скажу, домогалась. Буду знаменитым. Затвичу с хэштегом «ми ту».

– В жопу иди.

– А зачем голая?

– А что мне лежать рядом одетой? Да и как бы... Я твои запасики порыла, в общем, устроила сама себе неплохую ночь. Я б даже сказала, одну из лучших в жизни, – произнесла подруга и усмехнулась, – Мы с Жаном хорошо ладили.

– С кем блин?!

Кристина взяла с кровати мощный светло-розовый дилдак и потрясла им перед моим носом.

– Знакомься, это Жан.

– Фу, гадость. Разве ж могут эти резиновые поделки заменить настоящего мужчину? Из плоти и крови? – деланно чинно спросил я, – А как же чувства? Как же любовь?

– В жопу иди, – повторила моя подруга.

Мечта детства: вот так сидеть рядом с девушкой, почти твоей, голенькой, красивенькой. Но вот в жизни оно как-то получается только с жуткого перепою и с осколками стекла в жопе.

– Я тебя там... Ничего, не обидел ничем? – интересуюсь искренне и с волнением.

– Да все нормально, не бери в голову. Говорю же, бывало и хуже. В том числе с тобой, – ответила Кристина. Ответила не без грустной нотки.

– Педикюрчик новый?

Она хмыкнула и поиграла своими пальчиками. Красивыми, ухоженными, очень милыми. Но греческими. Причем вот и указательный длиннющий, и безымянный с большим на одном уровне. Так еще и плоскостопная, узкая и без расширения к носку. Я что только в себе не продумывал, как только себя не гипнотизировал, чтобы пробудить любовь к ее лапонькам! Но нет, все мое естество отвергало их и ничем я не мог себе помочь. А жизнь продолжала хохотать над вашим *покорным слугой*: Карина... пардон, Кристина была той редкой жемчужинкой, которой нравились мои закидоны, которая была лишена напускных всех этих отвращений, ханжеских движений носиком, этих кривляний, набивания себе цены так свойственных женщинам. У нее имелся легкий характер, добрый, отзывчивый, как вы поняли, наверное. Редкая девушка в наши культивирующие женщин времена полетит на другой конец города к своему прибабашенному, пьяному дружку. А она вон сидит, с родинками на спине, с длинными, шатеновыми, мягкими волосами, вздернутым носиком, губками пухленькими. Грудь у нее маленькая, с большими коричневыми пятнами сосков. Имелся крохотный животик. Но не подумайте, будто я считал ее некрасивой или непривлекательной! Черт побери, у меня вызывали отторжение только ножки ее. Имей она ну хотя бы римский тип, – ну хотя бы римский, чтоб меня так! – я б может и женился бы. И каждый день боготворил.

Ладно, вру, не женился бы. Пара слов о браке: он не крут. Институт брака – это высушенный колодец, в который мужчины зачем-то по своей воле залезают и обрезают веревку, по которой залезли. А далее ждут, когда женщина время от времени будет кидать им еду и питье. Женатые люди какие-то конченные, уж пардон за прямоту, друзья. Не зря классик говорил, что женятся люди, когда уже деваться некуда. Конечно, тут девушки тоже не согласятся. Но их-то я понять могу, брак – это золотое подспорье для женщины, ее билет в благополучие, в возможность не работать или выгребать выгоду для себя из всего и вся. Да-да, не надо мне тут сейчас про «убираюсь, готовлю, работа после работы» и все такое, мне не семнадцать на такую байду покупать. Потому что какой бы ни была ужасной для мужчины жизнь в браке, развод будет стократ хуже. Поверьте. К тетке порой захаживали судьи и с красочными деталями рассказывали как размазали очередного мужичка в бракоразводном процессе. Судьи, коль скоро заговорили об этом, всегда были женщинами. Что меня раньше удивляло, а сейчас я понимаю: любой коррумпированный или авторитарный режим должен опираться на женский чиновничий аппарат, не в высших слоях, а в своей сердцевине и на нижних слоях этот аппарат должен быть женским. В особенности в области юриспруденции. Женщины самые ярые этатистки. С другой стороны, женщины тоже страдают в замужествах своих, порой хлеще мужчин... Но кто ж заставляет их с детства мечтать-то об этом?

По количеству же разводов мы одни из первых в мире, плюс большинство из них инициированы женщинами, дети остаются с женщинами, в наихудших и страшнейших случаях – мальчишки остаются с мамами и бабушками, которые растят искалеченных созданий. Пол страны у нас воспитана однополыми парами...

– Там лужа во дворе, как площадь двух Америк... Там одиночка мать вывозит дочку в скверик... – протянул я задумчиво.

– Ты к чему это? – поинтересовалась Кристина.

– Да так. А про Терек я боюсь в наше время читать, а то извиняться придется.

– Это не «Письма». Это «Пятая годовщина», – заметила моя подруга, – Обожаю ее.

А я вот в этот момент так заобожал Кристинку, вы не поверите. Ажно прослезился чутка. Но вот ее лапки, господи, ну вот ну почему греческие-то?! Сидит, умница, красавица, врач, между прочим, поэзию любит, ухаживает за ножками, вот моникюрчик хороший, педикюрчик, и греческие... Тьфу, не жизнь, а проклятие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.